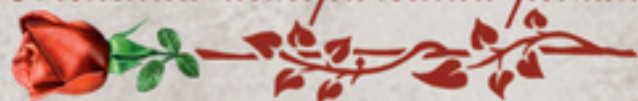

Женский исторический роман

МАРКИЗА БОНАПАРТА

*Виктория
ДЪЯКОВА*

Женский исторический роман

Виктория Дьякова

Маркиза Бонапарта

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 821.311-3
ББК 84(4Рос)

Дьякова В. Б.

Маркиза Бонапарта / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Женский исторический роман)

ISBN 978-5-4444-7459-4

Весной 1812 года при французском дворе было объявлено о помолвке блестящего генерала Армана де Коленкура и одной из первых красавиц Франции Адриены де Канизи. Придворное общество недоумевает, ведь всем известно о пламенной страсти графа к неистовой маркизе Анжелике де Траиль. Наполеоновские войска вторгаются в Россию, и Анжелика неожиданно появляется на передовой. Молодая женщина отчаянно желает объясниться с возлюбленным и вернуть потерянное счастье. Но Анжелику захватывают в плен. От расправы ее спасает гусарский офицер, граф Алексей Анненков. Теперь Анжелика уже не хочет возвращаться к соотечественникам, ее сердце покорила русский гусар. Она не знает, что уже не первый год граф Анненков является тайным возлюбленным самой могущественной женщины России, княгини Елизаветы Потемкиной, дочери самой Екатерины Великой, и та совсем не рада появлению соперницы и не собирается уступать.

УДК 821.311-3

ББК 84(4Рос)

ISBN 978-5-4444-7459-4

© Дьякова В. Б., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Глава 1. Вторжение	5
Глава 2. Нежданная встреча	17
Глава 3. Похищение	28
Глава 4. «Народной веры глас»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Дьякова

Маркиза Бонопарта

Que la France était belle sous le soleil de Messidor...

(«Как была прекрасна Франция под солнцем Мессидора¹...»)

О. Барбье. Бонопарт

Глава 1. Вторжение

Многолюдно было в тот вечер в гостиной известной парижской модницы графини Адриены де Канизи. Гости приезжали и уезжали целый день с самого утра.

Хозяйка салона – красавица и тонкая ценительница всего прекрасного, чьи наряды служили образцом и предметом зависти для всех дам, входящих в высший свет императорской Франции, а раз так, то и для всей Европы, – встречала приглашенных с неизменной милой улыбкой на устах. Черноглазая, яркая брюнетка, элегантно одетая в платье из лилового левантина² и такое же токе с длинной и тяжелой золотой цепью, спускающейся поверх одеяния, она успевала уделить внимание каждому. С каждым у нее находился повод поговорить о том, что того более всего занимало. И, как бы извиняясь, что не может задержаться дольше, Адриена добавляла с обезоруживающей искренностью:

– Pardonnez-moi, s'il vous plaît³. Сегодня – мой приемный день. Я принимаю по субботам. Столько хлопот! Но мы еще увидимся обязательно. И поболтаем... – С грациозным поклоном она удалялась навстречу вновь приезжающим.

Да, сегодня была суббота, приемный день. Обычно по субботам у графини де Канизи собиралось изысканное общество. Здесь приятно проводили время блестящие маршалы Наполеона, имена которых уже давно сложили славу его империи. Здесь можно было встретить известных дипломатов, актеров, художников, музыкантов, надменных светских красавиц и легкомысленных столичных повес. Самые последние новости узнавались здесь из первых рук. Здесь спорили об искусствах и политике, о розах, о модах и о духах. Все, кто был принят в доме графини де Канизи, как правило, имели доступ и в императорский дворец, к самой новой императрице – австриячке. (Впрочем, в Тюильри теперь стремились скорее по долгу службы, чем по зову сердца.)

После того как бесчисленные балы, охоты и театральные постановки, посвященные женитьбе Наполеона на пухленькой эрцгерцогине Австрии и рождению долгожданного наследника престола утихли, молодая хозяйка рьяно взялась прививать французам столь милые ее сердцу «орднунг» и строжайшую экономию. Она усадила дам за рукоделие, а господ кавалеров всерьез призвала положить конец супружеским изменам, давно утратившим драматизм и приобретшим вид невинного развлечения сродни гаданию на картах Таро. Тюильри заметно поскучнел.

Дамы со вздохом вспоминали, как при императрице Жозефине считалось дурным тоном, если иную особу видели в одном и том же одеянии два раза в день. Шумные продажи шелка, кружев и безделушек устраивали прямо на галерее дворца. А эти милые выходки, когда, вспомнив свою молодость, проведенную на Мартинике, Жозефина во время прогулки вдруг брала ножницы и, отрезав кусок юбки, дарила его иностранному послу на память? Она со смехом объясняла удивленному дипломату, что так поступали креольские женщины, чтобы отметить

² Левантин – однотонная шелковая ткань, изначально привозная с Востока (отсюда и название – из Леванта).

³ Извините меня, пожалуйста (*фр.*).

понравившегося им кавалера. Шелк следовало свернуть бантом и приколоть к мундиру. А сколько драгоценных шалей, в том числе персидских и индийских, упало с плеч императрицы прямо в руки посольских жен.

«Возьмите, возьмите! – уговаривала императрица дам. – Этот незатейливый платок ничего не стоит мне. А вам он так к лицу!»

Еще до знакомства с младшей дочерью австрийского императора, Марией-Луизой, Наполеон наивно полагал, что обе его жены могли бы встречаться и дружить. Но ему скоро пришлось отказаться от своего замысла, убедившись, что эрцгерцогиня невероятно ревнива. При одном имени Жозефины, произнесенном в ее присутствии, Мария-Луиза устраивала сцену и рыдала без умолку, пока сама не уставала – еще никому не удалось ее успокоить, даже самому императору.

Теперь в Тюильри не носили платья из легкого, воздушного шелка, как то любила Жозефина. Мария-Луиза ввела в моду туалеты, ткань которых скорее подошла бы для обивки мебели. И хотя покрой не изменился, но разрезы, доходящие до бедер, и милые «балкончики», позволяющие придать груди большой объем в декольте, сочли вызывающими и повели убрать.

Прелестные аллеи парка зарастали – там больше не сажали пурпурные магнолии с Мартиники и розовый лавр, а черных лебедей в пруду заменили длиннохвостыми австрийскими утками – они напоминали новой хозяйке Тюильри о ее родине.

Длившаяся почти год необходимость повсюду приглашать прибывших с новой императрицей австрийских камергеров в «блошиного» цвета мундирах и грязно-серых рейтузах наконец прошла. После войны с Австрией, вспыхнувшей, вопреки ожиданиям, весьма скоро, о них забыли. Но светское вторжение грубоватых и прожорливых аламаннов⁴ нанесло устоявшейся жизни ощутимый вред – многие рауты сделались по-казарменному однообразны.

Только в салоне мадам де Канизи еще сохранился прежний дух. Стены гостиной, задрапированные алым муслином, были обильно украшены драгоценной вышивкой, а мебель – позолотой. Лакеи в густо-черных ливреях, расшитых императорскими пчелами, – всегда отменно любезны и вышколены. Здесь угощали с размахом и изыском: после консоме⁵ и итальянских закусок подавали заячий паштет, форель под винным соусом, великолепные сыры из Болоньи и даже английский честер, хотя считалось общеизвестным, как ненавидит император все английское. К концу вечера обычно появлялись ореховые кремы и пирожные – все орошалось малагой, бордо и восхитительным невшательским вином.

В салон мадам де Канизи съезжались послушать модных музыкантов. Совсем недавно здесь выступал итальянец Скалоне с ариями из оперы «Ричард Львиное Сердце», а нынче был обещан иной гвоздь программы: недавно сочиненное рондо Ортанс, дочери Жозефины и падчерицы Бонапарта, исполнит оперная прима...

Лакеи, бесшумно двигаясь, разносили прохладительные напитки и сладости. Гости смаковали бисквиты с мороженым – лакомством, изобретенным недавно итальянским кондитером, и любовались праздником: играли фанфары, юные балерины крутили фуэте, а смешной красноволосый музыкант-карлик исполнял соло на бургундском рожке.

Сама графиня Адриена, неизменно приветливая и легкая, накинув на плечи прозрачную сиреневую шаль, усеянную букетиками живых фиалок – при движении шаль развевалась и напоминала узорчатые крылья бабочки, – порхала от одной группки гостей к другой, успевая во всем принять участие, везде высказать свое мнение и все послушать. Ее любили, ею восхищались, конечно, и завидовали и даже ненавидели, но очень тайно.

⁴ Аламанны – союз германских племен, II в. н. э. Здесь – прозвище.

⁵ Консومه – осветленный бульон.

Совсем недавно графиня стояла на грани краха: ей грозило бессрочное изгнание. Ведь не для кого не секрет, что именно ее брату поручил Наполеон неотлучно находиться при Жозефине и доставлять дважды в неделю отчеты о проживании и расходах его бывшей жены. Мария-Луиза же, узнав об этом, перестала допускать Адриену на порог. Но ловкая графиня сумела выкрутиться. Улучив момент, она преподнесла императрице по случаю рождения сына занимательную игрушку – китайские колокольчики с хрустальным звоном. Молодая императрица умилилась, и Адриена снова вошла в фавор.

В последнее время у гостей графини де Канизи появилось несколько поводов для прекрасного настроения.

Первой причиной тому послужила взбудоражившая всех новость: армия императора Наполеона вторглась в Россию! Вся Франция, узнав об этом, находилась в состоянии лихорадочного возбуждения. Она привыкла к быстрым победам Бонапарта, молниеносным войнам и непобедимость своей армии считала столь же обыденной, как черный провансальский виноград к кофе по утрам. Предвкушая быстрый триумф и последующие за ним походы на Восток – страшно сказать, в Китай и Индию! – все с нетерпением ждали известий о разгроме неприятельских армий. Императорские бюллетени извещали французов, что русские войска отступают. Вести об успехах распространялись с невероятной быстротой. Обычные письма солдат и офицеров из армии к родственникам приобретали поистине европейскую огласку и цитировались, как хвалебные гимны императору и его ни с чем не сравнимому гению. Озаренный всполохами фейерверков, Париж торжествовал.

Иная же причина казалась несравнимой по масштабам с первой, но имела особое значение для самой графини. Все собравшиеся в тот вечер на бал, обычно венчающий пышное субботнее собрание, наперебой поздравляли очаровательную хозяйку с... помолвкой. По окончании военных действий, которых не так долго ждать, графиня должна была стать женой графа Армана де Коленкура, императорского генерала и дипломата, в течение четырех лет служившего послом наполеоновской Франции в России.

О помолвке объявили недавно. Но о бурном романе Адриены с послом придворные судачили давно. Обсуждая грядущее событие, которое во всех умах неотделимо связывалось с победой и славой французского оружия (своим великолепием и размахом свадьба увенчает великую победу армии императора в только что начавшейся войне), изощренные в лести царедворцы желали графине Адриене счастья, превознося ее ум и красоту, но тайно, про себя, произносили еще одно имя, неразрывно связанное со всей этой историей.

Анжелика дю Плесси де Бельер... Ее упоминали шепотом, полунамеками, порой желая только жестом выразить свою мысль и дать знать собеседнику, о ком идет речь. Вот уже полтора года эта особа не появлялась в столице. Говорили, что она жила в своем прованском замке Ли де Трай, и жизнь ее там окружала тайна. Никто толком не знал никаких подробностей, но слухов вокруг затворницы витало много. Оставалось только строить предположения, почему прекраснейшая дама Парижа, прославившаяся далеко за его пределами не только своей красотой, но и гордым, дерзким нравом, из-за которого ее повсюду величали «неукротимой маркизой Бонапарта», вдруг оставила свет, где имела ошеломляющий успех, и уединилась в провинции, похоронив себя заживо в отцовском замке.

Вслед за Анжеликой в Прованс уехали и ее мать и младший брат Пьер, четырнадцатилетний юноша. Старший отпрыск семейства, Александр дю Плесси де Бельер, граф де Траиль, служил в одном из кавалерийских полков маршала Иоахима Мюрата и сейчас вступал в Россию вместе с доблестной наполеоновской армией.

* * *

Холодный, сухой ветер дул над Провансом, принося с собой горьковатый запах морских водорослей и мелкую пыль меловых скал.

Молодая женщина, зябко кутаясь в длинную накидку, отороченную горностаем, набросила широкий капюшон на золотистые волосы, собранные на затылке гребнем, и, пройдя по открытой галерее старинного замка, взойшла на башенку. Отсюда ей открывался необъятный Прованс, который она знала и любила с детства. Женщина прислонила ладонь к лицу, чтобы солнце не сильно слепило глаза. Ветер рвал полы ее одеяния, но она, казалось, вовсе не замечала его.

Отсюда, с самой высокой башни отцовского замка, ей виделось сверкание заполненных водой лагун, похожих издали на круглые золотые монеты, словно пригоршнями разбросанные по бухте. Далекая равнина моря, покрытая барашками волн, походила на раскинутую темно-синюю шаль, на которой кто-то неумелый вышил белыми нитками узор – как придется. Хорошо было видно, как вдали в золотой дымке покачиваются несколько парусов, как бы прилепившись к скалам.

– Мадам Анжелика, простите меня. – Пожилая служанка в темно-коричневом платье с большим белым воротником и таком же белом чепце, постукивая деревянными башмаками, какие издавна носили в Провансе, приблизилась к башенке и поклонилась госпоже. – Вода согрелась, как вы велели, – проговорила она, едва сдерживая дрожь от пронизывающего ветра.

– Да-да, благодарю, Биариц. – Маркиза де Траиль едва взглянула на женщину и снова устремила взор печальных темно-карих глаз на расстилающуюся перед ней местность. – Ступайте, не мерзните. Я сейчас приду.

Та еще раз поклонилась и быстро ушла. Анжелика вздохнула. Пляшущие звуки последнего бала, на котором она присутствовала в Париже, настойчиво преследовали ее. И даже уединившись здесь, в Провансе, в старом замке, где она родилась и выросла, маркиза не находила для себя успокоения. Казалось, никогда боль разочарования и горькая обида предательства не коснутся ее. Ан нет! Разочарование в любимом и предательство самой лучшей, самой близкой подруги...

Сегодня маркиза провела бессонную ночь – уже не первую. Тихий, далекий от суеты мир ее спальни вдруг стал ей тесен. Анжелика почувствовала, что задыхается в огромной старинной комнате с высоким стрельчатым потолком. Спокойная, дремлющая под сенью бархатных портьер и пологов комната никак не могла утолить прерывистое, жаркое дыхание страсти, сжигавшее Анжелику изнутри. Не дожидаясь, пока служанка приготовит утреннюю ванну, она не вытерпела и выбежала на галерею, ища успокоение в бескрайности прованских просторов.

Темно-синие тучи на горизонте говорили о том, что ночью шел дождь. Странно, но Анжелика даже не слышала его. Теперь тучи уходили, подобно чудовищному стаду, теряющемуся беспорядочной вереницей вдали, просвет между ними и морем расширялся. Где-то вдалеке кричали птицы. Но, положив вздрагивающие локти на холодный камень балюстрады, Анжелика слышала только ускоренное биение своего сердца, высоко вздымавшее грудь. Ей казалось, в необъятной долине с огромными холмами по окраинам слишком мало воздуха, чтобы вернуть дыханию ровность и спокойствие.

О, как она гордилась прежде, что родилась здесь, и как любила все вокруг! Ее семейство дю Плесси де Бельер принадлежало к тем уважаемым французским династиям, чья слава, идущая из веков, со временем сделалась славой Франции. Аристократы его, ведущие родословную от походов Карла Великого и рыцарей-крестоносцев, увидели свое генеалогическое древо лаврами многих заслуг как на поприще войны, так и в тайной дипломатии. Его мужчины не

знали страха и были доблестны, а женщины славились чудесной красотой и прекрасным воспитанием.

Желая продлить семейную традицию и последовать деяниям своего отца, генерал-аншефа флота при короле Людовике Шестнадцатом, чей мундир украшали все высшие награды королевской Франции, старший брат Анжелики, граф Александр де Траиль, в юном возрасте покинул отчий дом и вступил в армию. Он отличился под Аустерлицем, и сам Наполеон заметил его на поле брани. Император предложил Александру стать его адъютантом, но юноша гордо отказался, предпочитая участвовать в сражениях.

Вращаясь в бурном водовороте столичной жизни, Анжелика приобрела немало поклонников, но увы, как оказалось, и немало скрытых врагов – только до поры до времени она и не задумывалась об этом. Обладавшая острым умом, благородная и справедливая маркиза презирала пустое позерство парижской знати, ее хвастовство, трусость и подлость тех, кто отсиживался на теплых местечках при министерствах, потуже набивая на войне свои карманы. Она не боялась открыто высмеивать их. И хотя знаменитый маршал Жерар Дюрок как-то раз публично обещал застрелить каждого, кто только посмеет обидеть «мадемуазель Анжелику», так кто же публично выскажется?

Ее враги действовали тайно. Жерар Дюрок уехал с императором на войну, а враги остались. Они оклеветали маркизу перед новой императрицей, но самое страшное – они покрыли грязной молвой ее имя в глазах Армана... Теперь Анжелика прекрасно знала имена всех злопыхателей: зачинщицей конечно же выступила вздорная сестрица императора мадам Полина, не терпевшая женщин, которые могли бы затмить ее со временем. Ну а помогла ей... Адриенна – самая милая, самая доверенная. Как же подруга могла?!

Вспомнив о графине де Канизи, Анжелика на несколько мгновений отдалась во власть нахлынувшего смятения. Сквозь ее душу как будто пронесся бурный поток ощущений и смутных мыслей, полных упреков и сожалений. С трудом справившись с ним, Анжелика поймала себя на том, что рассматривает свои затянутые в перчатки руки: маленькая жемчужная пуговка на одной из них только что оторвалась и упала с башни вниз, на двор замка. Невольно маркиза улыбнулась.

Гряда мрачных туч поредела – в прозрачном ярко-голубом воздухе медленно плыли легкие вереницы белых облаков, словно флотилии кораблей с надутыми парусами. Ветер стих. На другом конце долины Рона отливала тусклым блеском серебряного слитка, над которым вился туманчик от просыхавших после дождя крыш.

Так же прекрасно и безоблачно, как это утро, начиналась и жизнь юной маркизы в Париже. Будущее тогда казалось ей счастливым.

Едва ступив в придворный свет после окончания благородного пансиона, она произвела на всех большое впечатление. Трудно было вообразить, что даже на столь благодатной почве, как семейство де Плесси дю Бельер, может расцвести столь рано и столь пышно эта великолепная «златокудрая лилия». Анжелика с ходу затмила всех известных красавиц, покорила сердца мужчин. Ее любви добивались титулы и состояния. Дамы ей подражали, но и жестоко ненавидели ее. Она торжествовала над Парижем. Но слишком благородная, чтобы интриговать, Анжелика никому не подавала надежды, оттого что никого не любила.

Несмотря на многие ухаживания и восторги, сердце маркизы оставалось холодно, пока однажды в Тюильри она не встретила Армана де Коленкура. Он был единственным, кто остался невозмутим перед ее чарами. И удивленная Анжелика не смогла пройти мимо его безразличия, хотя и показного. «Лилия Парижа» влюбилась. Сердце ее вспыхнуло, однако... роли поменялись. Теперь уже Коленкур оставался равнодушен, и Анжелике, на глазах всего света, приходилось добиваться взаимности. Она сама оказалась в положении безнадежно мечтающей о любви.

Невозмутимое спокойствие Коленкура злило Анжелику, и порой она впадала в сущее отчаяние. Наивная и доверчивая, Анжелика тогда еще не понимала его искушенной игры. Он

всего лишь старался не затеряться в толпе ее поклонников, не хотел быть как все. Однако сколько бессонных ночей и слез стоила ей эта игра! В конце концов маркиза решилась. Необходимо было что-то предпринять! Время торопило. Все говорили о скором выступлении армии. Арман уйдет в поход, и тогда... Что будет тогда, маркиза с трудом представляла. Воображение рисовало юной девушке ужасные лики бородатых русских мужиков, которые вполне способны одним взмахом сабли убить все ее надежды.

«Я завоюю его!» – решила верная себе маркиза, и осада началась. О целях ее не знал никто, кроме ближайшей подруги, графини Адриены де Канизи. Никогда еще Анжелика дю Плесси де Бельер не была столь прекрасна, как в те дни «штурма» Армана де Коленкура. Прекрасна и... «победоносна, как Бонапарт», шутил позднее брат Армана, генерал кавалерии Огюст де Коленкур. «Если бы меня так штурмовали, я бы сразу сдался, – признавался он в кругу своих. – Я же не испанская Сарагоса⁶, чтобы стоять насмерть... Я – боевой генерал, не дипломат, что значительно меняет дело».

В один прекрасный вечер наполеоновский посол все же пал к ногам маркизы, прося не отвергать его любви. Не в силах сдержать своего счастья, Анжелика опустилась на колени рядом с ним и прижалась щекой к генеральскому эполету на его плече. Покоренная, она плакала и шептала возлюбленному: «Да я же люблю вас, Арман! Боже, как вы заставили меня страдать!»

Их любовь оказалась недолгой, вскоре началась война. Но как же была счастлива Анжелика в те недолгие месяцы! Влюбленные почти не расставались, всюду появляясь вместе. В свете шушукались, но ослепленные счастьем, они не обращали внимания на ерничанья светских шаркунов. Как это прекрасно было – скакать верхом рядом, взявшись за руки, под кронами Булонского леса, где пробившиеся сквозь густую листву солнечные лучи зажигали огнем золотые эполеты на плечах генерала и играли золотом выющиеся по ветру кудри Анжелики!

Как ждала она каждое его письмо с войны! Перечитывала десяток раз и покрывала тысячью поцелуями! От писем веяло порохом сражений, и Анжелика боялась за генерала. Как ей хотелось быть рядом с ним, разделить все тяготы похода. Ведь она хорошо умела ездить верхом, стрелять и фехтовать. Отец и старший брат всему ее научили. Почему же необходимо целыми днями сидеть здесь, среди надоевших придворных дам, когда там, на поле Аустерлица, кипит настоящая жизнь? Там решается судьба Европы! Но увы, она должна была соблюдать приличия, разорвать путы условностей ей пока не доставало решимости и душевных сил.

Она завидовала балетной примадонне Биготтини, которая не принадлежала к высшему свету, а потому могла вести себя, как того сама желала. Биготтини отправилась в поход вместе со своим возлюбленным маршалом Дюроком, и говорили, во время привалов она крутила фуэте прямо на лафете гвардейской пушки! Вот это жизнь! Там, где парят золотые орлы Бонапарта!

Встреча с возлюбленным после заключения Тильзитского мира также оказалась короткой. Арман отпралялся послом в Санкт-Петербург. Далекая заснеженная Россия очень пугала Анжелику. Но та все равно была готова ехать за любимым хоть на край света. Только... он не звал ее с собой, а на все «почему?» отвечал уклончиво что-то о морозах и о диких нравах скифов... Анжелика и впрямь почувствовала холодок – только не от русских морозов. Холодок появился в ее отношениях с Арманом. Увы, то было первое предвестие грядущего разрыва.

Жизнь без любимого вскоре превратилась для Анжелики в пытку. Она заочно ревновала, воображая его встречи на балах с петербургскими красавицами – просто писаными. Взять хотя бы фаворитку императора Александра, княгиню Тавриды Елизавету Потемкину. Она явилась с императором в Тильзит, и сам Наполеон отметил не только изумительную роскошь ее нарядов,

⁶ Сарагоса – древний испанский город, основанный римлянами в 24 году н. э., прославился во время Наполеоновских войн, когда с 1808 по 1809 г. держал героическую оборону против французской армии. Тогда погибло более 50 тысяч защитников.

когда алмазы сыпались с нее, будто мишура, но и ум, и красоту некоронованной русской императрицы. Весь Париж по возвращении Наполеона только и говорил, что о ней... А княгиня Орлова, владеющая половиной той огромной страны, куда уехал Арман? Анна Алексеевна, дочь екатерининского фаворита, тоже весьма недурна собой и молода. Ну и что, если за ней увивается русский генерал Милорадович? Надо полагать, не он один. Но сегодня Милорадович, завтра – Коленкур. С таким состоянием Анна легко может купить вообще всю Францию...

Было от чего затрепетать чувствительному сердцу юной маркизы. И на свой страх и риск, почти через год после отъезда Коленкура, она решила отправиться в Санкт-Петербург. Пусть недолго, но побыть рядом с ним, увидеть собственными глазами, что там происходит, и успокоить свое сердце или окончательно разбить его.

Увлеченная надеждами, Анжелика летела в Петербург как на крыльях. Но, только въехав в окутанную сумраком тумана столицу Российской империи, она поняла, что совершила глупость. Никто ее здесь не ждал.

Нет-нет, при русском дворе ее принимали превосходно, наперебой приглашая в дома. Поэты, которых оказалось не счесть в России, слагали хвалебные гимны ее красоте. Балы, маскарады, концерты, обеды сменяли друг друга, как в калейдоскопе.

Поначалу Анжелика растерялась. Она не знала, как обращаться к даме, которая не является формально императрицей России, но везде ее успешно заменяет, тогда как императрицы давно никто не видит. Горделивое величие единственной дочери царицы Екатерины сначала подавило гостью, но Елизавета Григорьевна, вечно окруженная сонмом гусар и кавалергардов, которые, по слухам, некогда взяли русский трон на шпагу и усадили на него ее мать, отнеслась к французской маркизе весьма приветливо. Как только княгиня Лиз, как ее здесь называли, выразила свое поощрение и не одобрила намерение Анжелики отказываться от приглашений, все стали восхищаться французенкой. Император Александр танцевал с ней вальс в Ораниенбауме.

Только граф де Коленкур остался недоволен ее приездом. Он все время оказывался занят, уделял Анжелике мало внимания, и она подолгу пребывала одна. Так что княгиня Потемкина как-то напрямую спросила Армана:

– И чем это вы всегда так заняты, граф? Неужели мы доставляем вам столько хлопот?..

По отношению к русским Арман держал себя напыщенно, что весьма удивило Анжелику, так как сама она быстро освоилась в Петербурге и, благодаря дружбе императорской фаворитки, чувствовала себя даже лучше, чем в Париже.

Теперь Анжелика, наоборот, стремилась воспользоваться многочисленными приглашениями, чтобы сгладить надменность посла и казаться любезной, дружелюбной, приветливой. Елизавета Потемкина заметила ее намерения, а император Александр осыпал французенку милостями и подарками, не отпуская от себя ни на шаг. В честь нее устроили катание на санях в Царском Селе, завершившееся грандиозным фейерверком.

Анжелика присутствовала повсюду с неизменной улыбкой на устах, в действительности же не замечая уже ни красоты петербургских набережных, ни великолепия столичных салонов – сердце ее разрывалось от боли. Она чувствовала, что любовь ее погибает, и не находила причины тому. Арман все более становился непостижим – он отдалялся, не желая объясниться с ней, избегая, как всегда, прямых ответов. Напрасно она умоляла объяснить, в чем провинилась перед ним. Анжелика понимала – дело идет к разрыву, и потому, не прожив в Петербурге и трех месяцев, распрощалась с гостеприимной столицей российской империи и вернулась в Париж.

В начале 1811 года Арман де Коленкур был отозван императором из России. Его место занял граф де Лористон. Приехав в Париж, граф даже не пожелал увидеться со своей бывшей возлюбленной. Его галантность, его ухаживания теперь сделались достоянием графини де Канизи – та торжествовала свой Аустерлиц, сполна отомстив сопернице. Накануне похода в

Россию граф де Коленкур официально предложил Адриене руку и сердце. Венчание назначили после победы над Россией.

Скрывая свое горе, Анжелика покинула столицу еще до объявления помолвки. Она поселилась в своем замке Ли де Траиль и никуда не выезжала оттуда. Время остановилось для нее, потопив в горечи разочарования разрушенные надежды. Она не знала, почему де Коленкур оставил ее, да и никто толком не знал, но от своего незнания маркиза мучилась еще больше. Разве не была она верна и преданна? Разве подлая, завистливая клевета, о которой она смутно догадывалась, способна убить истинную любовь? «Он никогда и не любил меня!» – эта мысль настойчиво одолевала маркизу, становилась огромной и тяжелой. В сердце маркизы бушевало чувство негодующего протеста, гнева, а из самых глубин ее существа всплывало воспоминание: Арман говорил с ней все теми же обжигающими, несмотря на промчавшийся год, словами: «Моя драгоценная, моя единственная...» Так легко он лгал? Как могла она верить? Но как же было и не поверить?!

Вновь набежавшая туча закрыла собой солнце – только несколько лучей его пробились к земле. Испещренный круглыми пятнами света правый берег Роны казался шкурой леопарда, раскинутой вдоль реки. Черные тени скользили по долине с мягкостью, слегка нагоняя друг друга. Одна из них, огромная, плывшая с величавостью морского судна, надвинулась на башню, где стояла Анжелика.

Маркиза почувствовала себя неудобно. Плотнее запахнув накидку, она двинулась в замок. Порывом ветра капюшон сорвало с головы, гребень, держащий прическу, выскочил – длинные золотые волосы маркизы заструились по плечам. Ветром их швырнуло вперед. Убрав волосы с лица и снова закрепив их на затылке, Анжелика вошла в покои.

В ее спальне, обитой алым бархатом с широкими золотыми полосами, блеклое солнце, пробиваясь сквозь цветные витражи в высоких готических окнах, рисовало причудливые узоры на широком бархатном покрывале, отороченном мехом черной лисицы. Увенчанное овальным балдахином ложе, покоящееся на четырех рогах изобилия, в изголовье которого возвышались два лебедя из позолоченного дерева, столько раз было свидетелем их любви с Арманом, что, казалось, еще хранило аромат настоя ночных фиалок, который денщик графа всегда добавлял в воду для умывания. Напротив ложа поблескивало зеркало в витиеватой золотой раме, напоминающее по форме распутившийся цветок, – перед ним на мраморном столике в золотом канделябре горели три свечи. Здесь ожидал госпожу завтрак, заботливо приготовленный Биариц: холодная ветчина, салат и вино из черного винограда.

Вода в широком деревянном чане, приготовленная для купания, уже остыла. Однако пар от нее затуманил зеркало. Взглянув в него, маркиза обнаружила, что отражение ее сильно замутнено. Вдруг что-то треснуло, зеркало пошатнулось, и если бы Анжелика не успела поддержать его, оно упало бы на пол и разбилось.

Увидев в том дурной знак, Анжелика в сердцах сорвала с себя горностаевую накидку и бросилась на кровать, уткнувшись лицом в одеяло. Более всего ей хотелось сейчас заснуть – глубоко, без снов. Чтобы не думать и не помнить ни о чем... Теперь Арман де Коленкур, словно двуликий Янус, повернувшийся своим неизвестным, уродливым лицом, представлялся ей лишь грубым существом, отравлявшим сердце горечью. Ондохнул на нее огненными словами, принес то смятение, которое впервые нарушило счастливое равновесие ее жизни. Мгновениями Анжелика просто ненавидела его.

* * *

Покинув в конце мая Дрезден, Наполеон Бонапарт отправился трактом через Позен и Торн к Кенигсбергу, где вот уже несколько месяцев подряд на берегах пограничной с Россией реки Неман сосредоточивалась перед броском его армия.

Император ехал в дорожной карете, запряженной шестеркой лошадей, окруженный пажами, адъютантами и многочисленным конвоем. По всему пути в городах и селениях местные жители выходили к тракту, цветами и криками приветствуя императора Франции. Однако Бонапарт был мрачен. В начале июня, почти догнав армию, он остановился в Вильковисском лесу, где для него квартирмейстеры приготовили апартаменты в имении бежавшего от французов польского графа. На другой день императору предстояло достичь Немана и обратиться с воззванием к армии.

Едва верный мамлюк⁷ Рустан передал императору почту, Наполеон принялся разбирать ее сам, усевшись по-солдатски на деревянную лавку в коридоре и не дожидаясь, пока замешкавшиеся секретари организуют ему кабинет. Первое же письмо оказалось от экс-императрицы Жозефины. Быстро пробежав его глазами, император призвал к себе Коленкура.

– Вы знаете, Арман, – произнес Бонапарт, бросив на графа быстрый взгляд, – все, что касается Жозефины, довольно деликатно, а вокруг много ушей и злых языков, которым не терпится донести новости до молодой императрицы. Я доверяю вам, хотя при Жозефине оставил верного человека, который вскоре станет вашим родственником. Напишите от меня моей женушке, что меня огорчают ее неумеренные траты, хотя я и не удивлен. – По лицу императора скользнула улыбка, в которой Коленкур без труда прочел затаенную нежность. – И уговорите ее в конце концов не обращать внимания на все это... – Наполеон запнулся на мгновение, но тут же решительно продолжил: – ...на все, что связано с Марией-Луизой. Я женился на брюхе, и ничего не изменилось... Вы поняли, Арман? – уточнил он нетерпеливо.

– Вполне, сир. – Коленкур склонил голову. – Я напишу все, как вы сказали, и принесу на подпись. Позвольте идти, Ваше Величество?

– Нет, постойте! – Император встал со скамьи и, заложив руки за спину, прошелся по коридору.

Несколько солдат под командованием Рустана втащили в императорский кабинет его походный раскладной стол, кресла и походную кровать. Наполеон посторонился, пропуская их, потом снова приблизился к Коленкуру и спросил:

– Вы по-прежнему считаете этот поход ошибкой, Арман?

Граф де Коленкур промолчал, он много раз высказывал императору свое мнение. И теперь Наполеон без слов понял его.

– Тот, кто освободил бы меня от этой войны, – неожиданно признался император, – оказал бы мне большую услугу. Конечно, драка на Немане выгоднее всего австриякам – только Меттерних⁸ получит с нее выигрыш, не затратив ничего. А еще – англичанам! Но мы в ловушке, Коленкур! – Император снова заходил по коридору, не замечая, как Рустан придерживает на входе солдат с ящиками документов, чтобы они не прервали императора. – Скажите, зачем я сделал Бернадота королем Швеции? Для того чтобы он поддержал меня с севера, вернув себе Финляндию. А он? Вместо того чтобы союзничать со мной, он теперь – лучший друг императора Александра. Бернадот! Которого я из солдат произвел в генералы!.. А турки? Кутузов заключил с ними мир в Бухаресте. Это вы, Арман, проспали в Петербурге! – Он резко повернулся на каблуках. – Пока таскались там за юбками, вместо того чтобы сорвать этот мир. Теперь у Александра свободны и правая, и левая рука. Нам очень повезет, Арман, если мы вытащим русских за Неман и вынудим их напасть на нас первыми. Тогда русская война превратится для нас во вторую польскую кампанию и окажется кратковременной. В крайнем случае, даже если

⁷ Мамлюки (мамелюки) – военная каста в средневековом Египте, рекрутировавшаяся из юношей-рабов тюркского (кыпчаки) и кавказского (грузины и черкесы) происхождения, грузинские мамлюки назывались гурджи. Юноши обращались в ислам, обучались арабскому языку и тренировались в закрытых лагерях-интернатах для несения военной службы.

⁸ Князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург-Бейлыштейн (1773–1859) – австрийский дипломат из рода Меттернихов, министр иностранных дел в 1809–1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн.

русские не поддадутся, мы дойдем до Минска – не дальше! – заставив их принять сражение, а потом вернемся к Вильно... – Император замолчал и продолжил ходить взад-вперед, меряя шагами узкий коридор на первом этаже захолустной польской усадьбы.

– Ваше Величество, – позволил себе заметить Коленкур, – насколько я знаю русских генералов, они не остановятся на Немане. Силы Багратиона и Барклая де Толли разобщены. Я уверен, они отступят, чтобы соединиться.

Наполеон, казалось, не слышал его.

– Сколько раз, – проговорил он задумчиво, – я долгими зимними ночами размышлял об этой кампании. Ни я, ни Александр не хотим этой войны, но обстоятельства сильнее нас. В борьбе с англичанами мы никогда не добьемся успеха, пока силой оружия не излечим Александра от его хитрой политики: кивать с согласием на континентальную блокаду Англии и тут же тайком пропускать для них грузы. Мы должны закрыть Балтику, эту последнюю щель, через которую английские товары просачиваются в Европу. Англичане же – главные враги Франции. Вы и с этим не согласны, Коленкур?

– Согласен, Ваше Величество...

– Тогда ступайте, – кивнул Наполеон устало и тут же заметил притихшего Рустана, бережно прижимающего к груди императорский портфель красного бархата, украшенный серебряным шитьем, изображавшим лавровый венок со звездами и пчелами. – Что вы стоите там? – прикрикнул Бонапарт на камердинера. – Несите, несите все это добро. И побыстрее!

Утром следующего дня император, надев мундир польского офицера, подъехал в коляске к Неману. Его сопровождали только Дюрок и Коленкур, также переодетые поляками. Император сразу приказал подвести коня и верхом направился вдоль берега, выбирая места для переправы.

По противоположному, русскому берегу проскакал казачий дозор – промелькнули красные флажки на пиках, донесся лихой посвист. Внимательно осмотрев местность, император в тот же день продиктовал начальнику штаба маршалу Бертье свое обращение к армии. «Солдаты! – говорилось в нем, – война начинается. Россия увлекаема роком. Судьбы ее должны совершиться. Так перейдем же Неман!»

Наступил двенадцатый день июня, заря едва забрезжила над Неманом. Выйдя из палатки, Наполеон Бонапарт, окруженный свитой, смотрел в подзорную трубу на выплывающие из Вильковисского леса многоцветные потоки войск, разливающиеся по трем мостам, наведенным на Немане. Заметив знакомую фигуру императора в походном, сером сюртуке и черной треуголке без плюмажа, солдаты приветствовали его криками «Да здравствует император!», колонны их неиссякаемым потоком, одна за другой все текли и текли к мостам и переходили на русскую сторону...

* * *

Известие о вторжении армии Наполеона застало русский двор в Вильно. Вот уже более месяца император Александр Павлович находился вблизи границы, лично наблюдая за приготовлениями к войне, которую давно ждали. Регулярно получая письма от французского императора с уверениями в вечной дружбе и верности прежним союзническим договоренностям, Александр все же не доверял Наполеону. Через своих лазутчиков на территории Польши он был осведомлен о передвижениях французских войск и потому, вопреки мнению многих своих военачальников, еще в январе отдал приказ – подтянуть на Неман все имеющиеся в наличии войска, оставив лишь несколько корпусов для прикрытия Петербурга.

Прекрасно зная о шпионах, которыми кишела его ставка, русский император старался действовать тайно. Три армии, сосредоточенные на границе, были надежно прикрыты, связь с ними поддерживалась секретно. Непосредственно у Немана на глазах французской армии

оставались лишь пограничные казаки атамана Платова. Их спокойствие и даже безмятежность должны были убедить Бонапарта, что русские не догадываются о скорой войне.

Военные заботы тяжелым грузом лежали на плечах Александра. Его штаб до сих пор не выработал общий план ведения кампании, и споры в нем не утихали. Командующие двумя главными армиями, которым предстояло принять основной удар французов, князь Багратион и военный министр Барклай де Толли не ладили между собой и никак не могли договориться о совместных действиях. Принять же на себя общее командование молодой русский император не решался: поражение под Аустерлицом многому научило его и в первую очередь, что не ему тягаться с Бонапартом в полководческих талантах.

Чтобы надежнее сокрыть от ушей и глаз французских лазутчиков свою озабоченность и подготовку к войне, Александр приказал устраивать в Вильно балы. К тому же это помогало снять напряжение и усталость от постоянного ожидания вторжения.

Вечером одиннадцатого июня в Вильно давали обед и бал государю от корпуса польских генерал-адъютантов. Для праздника выбрали загородный дом графа Беннигсена, расположенный в Виленской губернии, а в хозяйки бала пригласили княгиню Елизавету Потемкину, зная, сколь приятно государю посетить праздник, верховодить на котором станет княгиня Лиз. После обеда и бала предполагали катание на лодках и фейерверк.

К полуночи бал в загородном имении графа Беннигсена был в самом разгаре. Государь шел в мазурке с княгиней Потемкиной. Дивные изумруды, украшавшие изящную шею княгини, мерцали в свете многочисленных свечей и перекликались с блеском золотой вышивки на ее темно-зеленом газовом платье. Праздник получился блестящий – на некоторое время все забыли о Наполеоне и его армии.

Генерал Балашев, один из генерал-адъютантов императора, внезапно прервав танец, покинул зал, а вскоре явился и вопреки придворному этикету остановился рядом с танцующим государем. Лицо генерала выражало тревогу.

Княгиня Потемкина первой заметила Балашева и остановилась. За ней на генерал-адъютанта обратил внимание удивленный император. Он взглянул на Балашева вопросительно, но сразу сообразив, что опытный царедворец не нарушил бы традиций, не будь на то важного повода, молча взял Балашева под руку и, попросив извинения у Лиз, вышел с генералом на балкон. Музыка стихла. Танцующие остановились. Все напряженно смотрели вслед государю.

Княгиня Орлова поспешила к Лиз.

– Что произошло? – спросила она взволнованно у подруги. – Неужели... – Анна не договорила. Она боялась произнести вслух слово, которое готово было сорваться с уст у каждого русского в зале, но все еще страшило – «война».

– Я не знаю, – вздохнула Потемкина. – Но думаю... – и тоже не закончила фразу. Накинув на плечи шаль, которая во время танца оставалась приколотой к платью, княгиня направилась к террасе: император и Балашев беседовали на фоне освещенного сада.

Приблизившись, Лиза услышала, как Александр Павлович возмущенно произнес:

– Не объявив войны, по-разбойничьи, тайком, вы говорите, он начал переправу? Никогда! Никогда я не примирюсь, куда хотя один его солдат останется на моей земле. Вы отправите моим посланцем, Балашев. Если Наполеон не хочет известить меня о начале войны, то я извещу его сам – о том, что на своей земле мы ляжем костями, но он не обойдется с нами, как с Австрией или Пруссией... – не договорив, император повернулся. У стеклянной двери, ведущей на террасу, он увидел Лизу.

Стянув концы шали на груди, та молча смотрела на него, и взгляд ее зеленоватых глаз был полон страдальческой решимости. В это мгновение она не выглядела блестящей светской дамой – весь облик Потемкиной выражал скорбь женщины, которой в самом ближайшем будущем предстояло отправить в сражение и единственного сына, и возлюбленного...

– Остановите бал, Балашев, – приказал император своему адъютанту. – Скажите же всем: офицерам и генералам немедленно отбыть в войска.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – звякнув шпорами, генерал вышел.

– Ты слышала? – спросил Александр у Лиз, и голос его прозвучал мягко: – Нам предстоят многие испытания...

– Да, – коротенький ответ вырвался из груди княгини со вздохом. – Я верю, Ваше Величество, Господь не оставит нас. – Откинув шаль, княгиня поцеловала крест, висевший на ее груди под ожерельем из изумрудов. Потом повернулась к приблизившейся Орловой.

Догадавшись без слов, Анна осенила себя знамением. Из зала слышались вскрики дам и поспешные шаги многих ног – генерал Балашев объявил собранию о том, что французская армия перешла границу и движется к Вильно.

Глава 2. Нежданная встреча

В замке Ли де Траиль ужинали поздно. Так повелось издавна, и никому не хотелось менять традиций.

Вечер выдался теплым, и Анжелика, подойдя к окну, попыталась открыть его, но деревянный шпингалет, до которого давным-давно никто не дотрагивался, никак не поддавался. Наконец ей это удалось – и в просторную столовую залу ворвался свежий воздух. Солнце садилось за блестящую ленту Роны, тускло угасал закат.

Анжелика улыбнулась, поправила рубиновое кольцо поверх белого платья – она только что переоделась к ужину, – и вдруг в отблеске солнечных лучей на цветном стекле витража увидела отражение дворецкого, невысокого худощавого человечка с крошечным ртом и бледным болезненным лицом. Он прислуживал в замке, сколько Анжелика помнила себя. Теперь же дворецкий смотрел на молодую хозяйку с укоризной, и та сразу догадалась почему.

– Вы же знаете, ваше сиятельство, – произнес дворецкий нарочито строго, – ваша матушка терпеть не может сквозняков...

– Да, знаю, – Анжелика поморщилась, – но я ненадолго. В столовой пахнет, как в склепе. – Сообразив, что выразилась слишком резко, маркиза прикусила язык и снова отвернулась к окну.

Дворецкий никак не среагировал на ее слова и все так же стоял со спокойным и почти-тельным выражением на лице, ожидая, пока хозяйка соизволит снова обратиться к нему.

– Вы приказали накрывать на стол, Жан? – спросила Анжелика, не поворачиваясь.

– Да, мадам, – дворецкий слегка поклонился.

Полуобернувшись, маркиза взглянула через плечо. Легкий ветерок, разгуливая по зале, колебал пламя высоких свечей в канделябрах на столе, будто играл с ним. Дворецкий все так же стоял не шелохнувшись. В руках он держал широкий серебряный поднос с сочным, бархатистым виноградом, а рядом с гроздьями – она заметила – белел лист бумаги...

Сердце Анжелики вздрогнуло: «Не может быть!» Почему-то ей сразу подумалось, что дворецкий принес послание от Армана! Но почти сразу же маркиза остановила себя: если письмо ей, то почему дворецкий так долго тянет и не отдает ей его?

Стараясь не выдать волнения, она как бы невзначай спросила Жана:

– Вы принесли виноград?

– Да, мадам, – откликнулся тот.

– Так почему не ставите на стол?

– Если позволите, мадам, – неслышно ступая по ковру, дворецкий приблизился к столу и, поставив на него поднос, принялся небольшими серебряными ножницами разрезать грозди.

Теперь уж Анжелика ясно рассмотрела письмо и не утерпела:

– Скажите, Жан, что за письмо у вас? Кто его доставил и когда?

– Это письмо переслали из Парижа, – ответил дворецкий невозмутимо, – оно адресовано вашей матушке, мадам.

– От кого же? – удивилась маркиза, хотя и догадывалась. – От графа Александра?

– Да, мадам. От вашего брата. Из армии...

«Из армии... А может быть, Александр что-либо пишет об Армани? – мелькнуло в голове Анжелики. – Но почему Александр должен писать матушке об Армани – с какой стати? И все-таки...»

– Не трудитесь, Жан, – Анжелика закрыла окно и приблизилась к дворецкому, – письмо матушке я отдам сама, а вы займитесь ужином. – Она решительно взяла письмо с подноса и, не слушая возражений дворецкого, направилась в гостиную.

Усевшись напротив камина, в котором весело плясал огонь – огромные комнаты замка часто приходилось протапливать от сырости даже летом, – Анжелика поудобней подложила под спину диванную подушку и некоторое время не решалась открыть конверт. Она смотрела на огонь и пыталась представить себе Александра в генеральском мундире с золотыми эполетами и шитьем. Присев у костра, он вот так же смотрит на пламя и пишет домой... Быть может, Арман в это время проходит мимо, спеша по очередному зову императора, и даже приветствует ее брата..

Анжелика разорвала печать. Исписанная мелким торопливым почерком страница как будто исчезла – Александр сам заговорил с ней, присутствуя в воображении.

Он рассказывал о том, что, перейдя Неман, армия почти месяц движется по русской территории и теперь достигла Вильно. Русские отступают, не желая принять генеральное сражение. Французам повсюду встречаются покинутые жителями деревни, захолустные уездные городки, тонущие в тучах пыли. Иногда русских удастся нагнать – и тогда видны бивачные костры их лагеря, но под покровом ночи они снова снимаются и уходят. Постоянное отступление русских огорчает французов больше всего. Но вера в гений в императора в войсках очень сильна – никто не сомневается, что порядком наскучивший поход все же закончится одним громовым ударом, и солнце Витебска или Смоленска станет для Франции вторым солнцем Аустерлица.

Дальше Александр справлялся о здоровье *maman*, посылал приветы младшему брату Пьеру, с нежностью спрашивал о ней, об Анжелике. Про Армана – ни слова.

В конце письма Александр в который уже раз настойчиво уговаривал матушку не держать Пьера при своей юбке, а отправить его на службу – юноша достаточно вырос и сидеть у маменьки под опекой для него позорно. Прочитав это, Анжелика невольно улыбнулась, представив, как отреагирует старая графиня де Траиль на такие пожелания старшего сына. Если бы сам Александр слушался ее в свое время, он никогда бы не стал кавалерийским генералом.

Отложив письмо, Анжелика встала с дивана и, откинув кружевную штору, вышла на застекленный балкончик гостиной. Сквозь зелень ветки деревьев расплывчато вырисовывались на фоне неба. Внизу в фонтанах, пузырясь, струилась вода. Сумерки отбрасывали лиловые пятна на пол и на стены комнаты. В соседней зале слышались шаги и тихие разговоры служанок, легкий звон столового серебра.

Рассказ брата о русском походе взволновал маркизу. Она попыталась вообразить себе пустынные враждебные просторы: леса, доли, овраги, заброшенные пашни... Ускользающие русские армии, затягивающие французов все дальше в глубь своей страны. Внезапно Анжелике стало страшно... Конечно, Арман находится при ставке императора, но ядра не выбирают цели. Сам Наполеон уже неоднократно бывал ранен в сражениях. Что же говорить о его генералах? К тому же, если убьют кого-то из командиров, император вполне может послать Коленкура в бой. Что, если ей с ним больше никогда не суждено увидеться? И она никогда не узнает правды о том, что же их так жестоко разлучило?!

Решение пришло само собой. Передав письмо брата старой графине и не сказав ей ни слова о своих намерениях, Анжелика в ту же ночь собралась в дорогу – она решила догнать армию, найти Армана и во что бы то ни стало объясниться с ним – пока непоправимое не лишило ее последней надежды на счастье.

* * *

Император Наполеон не скрывал злости: война шла уже второй месяц, а русская армия лишь на подходе к Смоленску. До сих пор от нее обнаруживались только следы: павшие лошади, поломанные колеса, попорченная амуниция или ящики из-под артиллерийских зарядов. Ни одного солдата! Иногда на французский авангард насакивали вихрем бородатые

казаки с пиками – и сразу же исчезали, словно ветром уносило их. И наконец перед Смоленском, перейдя вброд небольшую речушку с труднопроизносимым русским названием «Красная» (французы прозвали ее «Креси»), быстрый Мюрат наткнулся на отступающий арьергард⁹ русских.

Проскакав вдоль берега реки мимо палаток гвардии и итальянских полков вице-короля Евгения Богарне, Наполеон внимательно наблюдал в трубу, как последние кавалерийские полки Мюрата все еще переходят реку вброд – зеленые мундиры вестфальских улан с белоголубыми флюгерами на пиках колыхались над водой, а синие мундиры поляков с бело-малиновыми флюгерами уже устремились в широкую березовую рощу, за которой виднелись – вот счастье-то! – темно-зеленые с белым ряды русских пехотинцев. Похоже, их оказалось там не меньше дивизии.

Построившись в каре, русские отступали по дороге к Смоленску. Мюрат бросал на них одну кавалерийскую дивизию за другой. Гусары, уланы, карабинеры, драгуны налетали на русских со всех сторон, стараясь врубиться в каре, но каждый раз откатывались назад. Русские отбивали их ружейным огнем. Мюрат свирепел и усердствовал, зная, что за ним наблюдает император.

Чем больше маршал кавалерии проявлял упрямство, тем больше портилось настроение у императора. Он послал Коленкура передать Мюрату приказ – прекратить атаки и дожидаться конной артиллерии. Но не тут-то было. Войдя в азарт, Иоахим Мюрат не захотел даже слушать Армана. В сражении при Иене его генерал Лассаль легко разметал каре прусской пехоты, Монбрюнн даже брал крепости кавалерией. А что мешает здесь? «Всего лишь несколько жалких полков, прижавшихся испуганно друг к другу!» – воскликнул Мюрат и зло сплюнул на песок, притопнув высоким зеленым сапогом с золотой шпорой.

Однако, взглянув на место сражения в подзорную трубу, никакого испуга в русских Арман не заметил. Хотя их каре и состояли сплошь из юнцов-новобранцев, но держались те стойко. Сорок раз Мюрат посылал свою конницу на русских, и сорок раз откатывался ни с чем. Каре отступали в полном порядке и не пропустили французов в Смоленск, пока ночь не положила конец наскокам французской кавалерии.

– Кто командует ими? – спросил император у Армана, когда тот, усталый и запыленный, вернулся от Мюрата в ставку.

– Генерал Раевский, сир, – ответил мрачно Коленкур. – При нем два малолетних сына. Он вывел их перед фронтом, чтобы вдохновить солдат...

– Герой... Что ж, Багратион дерется как лев, и его генералы достойны похвалы, – оценил храбрость противника император. – А Мюрат – просто болван. Из-за него мы притащимся к Смоленску на хвосте русских.

Действительно, скоро Смоленск показался впереди. Французский авангард подошел к нему ясным и свежим по-осеннему августовским утром. Замысел Наполеона отрезать русские армии от Смоленска и прийти к городу первыми провалился – остатки пехотинцев генерала Раевского уже заняли его оборону. К ним на помощь к восточным и южным предместьям подтягивалась Вторая армия князя Багратиона в полном составе. На следующее утро появились и корпуса Первой армии Барклая. Становилось совершенно ясно – сражение состоится: Смоленск – первый исконно русский город на пути иноземцев – французам без боя не сдадут.

Несмотря на задержку, Наполеон был полон бодрости и надежды. Он рассчитывал выиграть генеральное сражение и продиктовать Александру условия мира, заставив «русского медведя» сидеть смирно в своей берлоге и прекратить поддержку Англии. А потом можно вернуться в Европу, хотя бы в Польшу.

⁹ Арьергард – силы прикрытия (охранения), выделяемые от основных частей или соединений вооруженных сил при отступлении. В некоторых случаях арьергард может выделяться при совершении марша от фронта в тыл.

Однако двое суток спустя радость императора померкла. Русские армии явно не собирались принимать сражение в «поле» и свернули там свои позиции, укрывшись за стенами Смоленска. Бонапарту не составило труда догадаться о намерениях русского главнокомандующего Барклая де Толли: он намеревался всего лишь задержать противника, чтобы дать возможность соединившимся русским армиям организованно отступить.

Рассерженный Наполеон приказал подвести к городу все осадные орудия. Сотни пушек били по Смоленску и его укреплениям целый день, но повидавшие виды старые стены с трудом поддавались французским ядрам. Пехота неоднократно бросалась на штурм, но истекающие кровью полки Раевского и Дохтурова стойко отбивали ее атаки.

К вечеру весь форштадт¹⁰ Смоленска оказался в дыму и пламени. Внутри также начались пожары – французские гранаты подожгли деревянные дома, которые преобладали в городе.

* * *

Вечерело. Над Смоленском громадными столбами подымался к небесам густой черный дым, окрашивая их в багровый цвет. Яркие языки пламени сполохами пробивались в нем. Из этого моря огня, сквозь неумолчный гром пушек, сквозь бесконечную ружейную трескотню и отдаленный грохот барабанов, сопровождающих шествие французов, доносился колокольный звон. Не набатный, тревожный, а какой-то неуместно спокойный, даже идиллический.

Заслышав его, император Наполеон удивился.

– Почему они звонят? – спросил он, повернувшись к свите.

– У русских завтра большой церковный праздник, – поспешно объяснили ему адъютанты.

– Праздник? – насмешка скользнула по усталому лицу императора. – Праздник завтра будет у меня, а не у них.

Адъютанты переглянулись. Но как заставишь колокола замолчать, даже если такова воля недовольного императора? Для этого необходимо сначала взять Смоленск. Так что пушки продолжали греметь, а колокола – звонить. Бой постепенно затихал, но не утихали пожары, охватившие город. Они быстро разрастались, и вскоре за стеной дыма уже вставала сплошная стена огня.

Император Наполеон некоторое время прогуливался возле костров, разложенных у его палаток.

– Не правда ли, красивое зрелище, Арман? – спросил он у Коленкура, бросив досадливый взгляд на город, который ему так и не удалось захватить сегодня.

– Ужасное зрелище, сир, – честно признался Арман.

Словно не услышав эти слова, император промолчал. Он по-мальчишески подбросил носком сапога в огонь несколько валявшихся на земле сосновых шишек и пошел спать. За ним последовала и свита.

Не спалось только Арману де Коленкуру. Он бродил по лагерю, посматривая на Смоленск, а потом присел у костра на деревянный обрубок и, глядя на огонь, вспоминал далекую Францию и прекрасную Адриену де Канизи, которая ждала его из этого безумного похода... Незаметно Арман задремал.

Проснулся он от того, что кто-то потряс его за плечо:

– Месье, месье, проснитесь!

Пригрезилось или на самом деле он услышал такой знакомый, но забытый уже голос? Впрочем, нет. Он не забывал его никогда.

Арман поднял голову. Да, он не ошибся. Анжелика стояла перед ним, словно видение... Ангел, спустившийся с небес на обожженную войной землю. На ней был черный дорожный

¹⁰ Форштадт (старонем.) – предместье города.

костюм. Легкий ветерок, доносящий хлопья золы от полыхающего города, шевелил края ее дорожного плаща и золотые локоны, выбившиеся из-под шляпы. Огнотелы костра отражались на ее лице и, казалось, играли искорками в ее темно-карих с золотистой поволокой глазах, усталых и грустных с дороги.

Как она оказалась здесь, у стен осажденного города? Все-таки решила последовать примеру Бигготини? А мать? А брат? Пораженный ее явлением, Арман не мог вымолвить ни слова.

Лицо Анжелики тоже выражало удивление. Издалека она приняла Армана за другого, совсем не знакомого ей человека, и только хотела узнать, где найти графа де Коленкура. А оказывается, вот он сам, перед ней.

– Вы? Вы, граф?... – спрашивала она растерянно.

Он не отвечал.

В это время сзади раздался топот копыт и перед костром возник младший брат Анжелики, Пьер, верхом на сером жеребце.

– Сестрица, сестрица! – воскликнул Пьер восторженно, указывая на пожираемые огнем стены Смоленска. – Вот город, захваченный нашей армией! Мы у цели...

– Смоленск еще не захвачен, – поправил юношу граф де Коленкур, – он только осажден.

– Но мы захватим его завтра! – не унимался Пьер. Он гарцевал на лошади вокруг костра.

Анжелика подхватила его коня под уздцы и строго заметила брату:

– Я прошу вас не шуметь. Посмотрите, все спят вокруг. Раненым в лазарете тоже необходим покой, – и тут же предостерегла от беспечности: – Осторожнее, Пьер, там крутой спуск! Я знаю, что не один де Траиль еще не умер от старости в своей постели, но что-то не припомню, чтобы кто-то из них свернул себе шею, упав с лошади. Вы можете опозорить всех своих предков. К тому же не забывайте, – добавила она уже ласковее, – вы мой личный будущий генерал. Так зачем же рисковать своей драгоценной жизнью? Слезайте!

Вняв убеждению сестры, Пьер резво соскочил с коня.

– А как ты думаешь, где сейчас Александр? – спросил он у Анжелики.

– Не знаю... – ответила она рассеянно, снова устремив взгляд на Коленкура. – Впрочем, сейчас узнаем, – поспешно добавила она, чтобы скрыть смущение. – Кто это там скачет? – взгляд ее скользнул в сторону. – Такой яркий и цветной? Что это за маскарад, граф? – она даже засмеялась, но голос ее дрогнул.

– Маскарад? – переспросил Коленкур, вставая. – Это не маскарад, моя маркиза. Это маршал кавалерии Мюрат, собственной персоной. Король Неаполитанский и шурип императора. Вы узнаете?

– О, да! Теперь – да!.. Что я вижу? Ваше Величество! – приветствовала Анжелика короля. – Вы и на войне верны себе. Как всегда, неотразимы: те же кудри, то же роскошество в одежде, та же кавалерийская удаль! Я думаю, русские замечают вас издалека!

Мюрат спрыгнул с седла и наклонился, целуя руку маркизы:

– Счастлив снова встретить вас, моя красавица, но никак не ожидал увидеть вас под огнем.

– Огонь по счастью стих пока... Но желтые сапоги, Ваше Величество? Я полагаю – это верх элегантности. Где вы достали их? – Она знала, Мюрат любил, когда хвалили его одежду, для того он и наряжался, чтобы его замечали дамы. – А как относятся к ним русские артиллеристы? Вы же в них – прекрасная мишень для них. Однако, мне известно, вы – неустрашимы, Иоахим. Кстати, я привезла вам привет от вашей супруги, королевы Каролины, сестры императора. Она в добром здравии и прекрасно выглядит, как всегда...

– Я представляю, как она выглядит, если об этом с восторгом говорит красивая женщина, – послышался рядом чуть хрипловатый голос маршала Бертье. Он только что закончил диктовать приказы секретарям и вышел из палатки, где размещался штаб императора.

– Я вовсе не то имела в виду. – Анжелика взглянула на него со смущенной и полной укоризны улыбкой. – Мой герцог, вы плохо знаете женщин. Они более благородны по отношению друг к другу, чем вы представляете себе. Но даже если в ваших словах и есть доля правды, она не относится к Анжелике де Траиль.

– О да, маркиза, всем прекрасно известно, что ваше благородство не знает границ, – покорно согласился с ней маршал.

Бертье, принц Невшательский, безнадежно влюбленный в одну женщину, итальянку Жозефину Висконти, ожидавшую его в Париже, тем не менее никогда не упускал возможности пофлиртовать с другими дамами. Это было известно. Жозефина безбожно обманывала его в прошлом, но со временем оценила верность возлюбленного. Особенно когда все вокруг стали поговаривать о необычайном сходстве Бертье с императором: тот же рост и та же комплекция, тот же сюртук и та же шляпа, и даже любимая женщина – Жозефина – только Висконти, а не Богарне. Только вот голова больше туловища и волос на ней маловато, но кто это видит под шляпой?

Анжелика знала о всех рассказах, выходящих вокруг Бертье, но старалась не выдавать своего ироничного к нему отношения. Она даже сочувствовала «главному секретарю императора». Легко ли, когда все вокруг смеются над тобой!

Снова сев в седло, Иоахим Мюрат тоскливо смотрел на затихающий пожар в Смоленске. Витебск, Смоленск... Где-нибудь в Европе у Мюрата уже давно карманы бы были полны хорошенькими женщинами. А тут? Проехать столько лье от самой границы и не встретить ни одной пары любопытных женских глаз, ни одной манящей улыбки! Скучища!.. А эти крестьяне?

Мюрат припомнил, как по дороге от Витебска какой-то славянин спросил у него через толмача, глядя во все глаза на разукрашенные позументом зеленые доломаны его венгерских гусар:

– Откуда путь держите, люди?

– Из Парижа, – ответил ему Мюрат со злостью.

Похоже, крестьянин такого названия никогда не слышал. По крайней мере, по выражению лица это трудно было определить. Но главное открытие ожидало Мюрата впереди:

– А куды идете?

– На Москву. – И тут Мюрат понял, что старик не то что про Париж, он и про Москву никогда не слыхивал.

От грустных размышлений короля Неаполя оторвал юный Пьер де Траиль. Он подошел к маршалу, держа коня за повод, и, набравшись храбрости, обратился:

– Сир, возможно, я еще молод, но в моих жилах течет рыцарская кровь. Я был бы счастлив, если бы мне представилась возможность сражаться за императора в бою...

– Пьер! – воскликнула Анжелика, прервав его. – Вы же обещали *matán*, вы же клялись ей не заводить речи об участии...

– Сестрица, позвольте заметить, – щеки Пьера порозовели от смущения, но он настаивал на своем, – вы забываете, что наш старший брат Александр вступил в армию, когда ему было пятнадцать лет. Мне на целый год больше...

– Александр сбежал из дома, – поправила его Анжелика. – Он доставил столько страдания родителям. Отец умер из-за того...

– Не отговаривайте меня, *ma soeur*, я вполне ясно ощущаю, что нужда моего императора в верных солдатах велика. И готов отдать жизнь за него! – Пьер решительно потрянул головой.

– О! Боже! – воскликнула Анжелика. – Что вы говорите? Вспомните о *matán*!

Не обращая внимания на сестру, Пьер прикоснулся рукой к вышитому золотом желтому сапогу маршала кавалерии и умоляюще произнес:

– Возьмите меня, сир, вы не пожалеете. Я не боюсь трудностей...

– В самом деле, маркиза, – поддержал юнца Мюрат, – юноше уже шестнадцать, а вы хотите, чтобы он сидел взаперти при стареющей матушке, когда его ровесники к двадцати годам получают генеральские эполеты из рук императора, а наши армии переворачивают мир! Долг каждого француза вложить свою кровь в величие императора. Этот мальчишка – настоящий лев! – Наклонившись, Мюрат потрепал Пьера по плечу, и на губах молодого маркиза заиграла довольная улыбка.

– Вы неисправимы, Иохим, – грустно покачала головой Анжелика. – Как я могу переубедить его, когда он получил в вашем лице такую поддержку!

– Вот и порешили. – Мюрат прищелкнул по сапогу шелковой плеткой. – Подойдите к начальнику штаба, юноша, – приказал он Пьеру, – и скажите, что я принимаю вас в кавалерию, поступите в подчинение к вашему брату, генералу де Траилю.

– Ура! Ура! – Пьер запрыгал от счастья на одной ноге. – *La guard fixe!*¹¹

– Вы видите, Иохим, мой брат совсем еще ребенок, – упрекнула Анжелика маршала.

– Это скоро пройдет, мадам, – уверил ее Мюрат невозмутимо. – На войне быстро взрослеют, увь. Не отнимайте у юноши мечты. Надеюсь, маркиза, – он слегка поклонился Анжелике, – вам и вашей матушке станет намного спокойнее от того, что молодой человек будет постоянно находиться под присмотром старшего брата?

– Отчасти, да, – согласилась Анжелика неохотно. – Хотя Александр горяч и порывист, он всегда оказывается в самой гуще сражения...

– А где же еще, маркиза, прикажете быть кавалерийскому генералу? Если только у ваших ног, но в мирное время, – усмехнулся Мюрат. – Однако мне пора откланяться. Надеюсь, вы не скоро покинете нас и мы еще увидимся?

– Вполне возможно, – согласилась Анжелика. – По крайней мере, в ближайшее время я не собираюсь во Францию. Я еще хочу увидеть, как вступит в сражение мой героический рыцарь. – Она с улыбкой обратила взор к младшему брату. – Иначе, что же я скажу нашей матушке, если он стал солдатом вопреки ее воле и не показал себя героем. Тогда уж она точно не простит его никогда. Как вы считаете, сир, у него есть надежда заслужить похвалу императора? – спросила она у Мюрата с легкой иронией.

– Раз он сам уверен в себе, то – обязательно! – ответил маршал. – Скоро увидимся, юноша, – пообещал он Пьеру, прищпоривая коня. – Я лично буду наблюдать за вами.

– *Vive L'empereur!*¹² – воскликнул Пьер радостно, прикладывая два пальца к головному убору.

– Вы привыкаете к новой роли, юноша, – похвалил его Мюрат и обратился к Анжелике: – Всего хорошего, маркиза! – Маршал кавалерии склонился с седла и, поцеловав Анжелике руку, всадил звездчатые шпоры в бока своему коню.

Он ускакал – зеленый, малиновый, золотой... Только пыль взвилась следом.

– Павлин! – улыбнулась Анжелика вслед неаполитанскому королю: красив, элегантен и роскошен. Кто теперь вспомнит, что когда-то Мюрат был всего лишь сыном трактирщика из Кагора?

Маркиза обернулась, ища взглядом Коленкура. Тот молчал во время ее разговора с Мюратом, и теперь она с удивлением обнаружила, что, оказывается, граф просто ушел. Бивуак был пуст, костры догорали, слегка потрескивая. Маршал Бертье отправился к своим депешам, а Арман де Коленкур, по-видимому, – к дежурным генералам.

Несколько мгновений Анжелика размышляла. Ради объяснения с Арманом она проделала длинный путь. Завтра с утра возобновится осада города и Арману станет не до нее – он должен постоянно находиться при императоре, а самой маркизе ничего не останется, как при-

¹¹ *La guard fixe!* – Гвардия, смирно! (фр.)

¹² Да здравствует император! (фр.)

соединиться к лазарету. Нет, откладывать нельзя! Надо разыскать Армана немедленно! Мюрат галантный и любезный – но своим приездом он испортил ей встречу с возлюбленным.

Послав Пьера позаботиться о ночлеге, маркиза решительно направилась к штабным палаткам. Однако Коленкура в числе тех, кто охранял недолгий сон императора, разбирая для него почту, не оказалось. Арман ушел к себе.

Найти палатку императорского шталмейстера для Анжелики не составило труда. Она приблизилась к шелковому шатру и на мгновение остановилась в нерешительности – волнение стало сильнее. Но все же, взяв себя в руки, маркиза вошла внутрь.

Коленкур не спал. Спать он уже не мог. Приезд Анжелики обрадовал и огорчил его одновременно. Он лежал на походной кровати, подложив под голову конскую попону, в расстегнутом мундире, на котором при свете единственной зажженной свечи тускло поблескивала золотая вышивка. Он думал, вспоминал – все, с самого начала, с первого дня его встречи с золотокудрой маркизой.

Тиковый полог палатки откинулся – в открывшемся проеме мелькнуло озаренное пламенем пожара небо. Мелькнуло и погасло. Полог опустился – тонкая женская фигурка в черном проскользнула в палатку. Приподнявшись, Арман разглядел в полутьме золотистые волосы, выбивающиеся из-под шляпы, и серебряные узоры на широком поясе, охватывающем талию гостьи.

Женщина постояла немного, дожидаясь приглашения войти. Он слышал легкое дыхание ее и уже чувствовал знакомый аромат фиалкового саше – Анжелика. Она пришла сама. Арман молчал, словно не мог совладать с собственным горлом и пригласить ее – слова застревали от волнения внутри него. Тогда, не услышав и слова приветствия, маркиза заговорила сама:

– Почему вы ушли, граф? Вы не хотели меня видеть? – Ее голос слегка дрожал от волнения, но она старалась не выдать себя. – Я понимаю, я смутила вас своим приездом. Но выслушайте меня, Арман. – Она сжала руки на груди. – Я боялась, что здесь, в далекой России, вы можете погибнуть, и я никогда больше не увижу вас. Я не смогу сказать, что сожалею о прежних недоразумениях. Я люблю вас, Арман. Я очень скучала. Я устала. Я больше не могла оставаться в Провансе и ждать, ждать... – В мелодичном голосе маркизы отчетливо слышались рыдания. Она уже не была прежней гордячкой, отвергавшей его ухаживания. Она переменилась, страдая.

– Не надо, не надо слез, моя дорогая. – Коленкур встал.

Он протянул руку, чтобы привлечь возлюбленную в свои объятия, но полог палатки снова откинулся – на пороге показалась приземистая фигура маршала Бертье. Нисколько не удивившись свиданию, невольным свидетелем которого он оказался, герцог Невшательский обратился к Коленкуру:

– Простите. Император проснулся, Арман, и призывает нас к себе. Поспешим! А для вас, маркиза, – обернулся он к Анжелике, – приготовлена палатка, и вы можете немного отдохнуть, пока тихо, – добавил он со вздохом. – Вон там, левее, – указал он, высунувшись на улицу. – Ваш брат уже там, мадам.

– Надеюсь, это не аванпост¹³ врага, – пошутила Анжелика, чтобы скрыть огорчение, охватившее ее. – Я могу спать спокойно?

– Что вы! – воскликнул Бертье испуганно. – Это почти рядом с императором. Наша армия будет охранять ваш сон, – добавил он галантно и поцеловал руку маркизы. – А вашему герою, – вспомнил он Пьера, – спать не придется. Его зачислили в кавалерию Мюрата, и теперь он должен отправляться по назначению.

– Как, уже? – вскрикнула Анжелика. – Он же заблудится! Как он найдет расположение?

¹³ Аванпост – передовой сторожевой пост (отряд) или отряд охранения.

– Не заблудится, – уверил ее Бертье. – Для начала его проводят, ну а там его встретит генерал Александр.

– Когда я смогу увидеть Александра? – робко спросила Анжелика о старшем брате. – Мы не виделись так давно.

– Когда возьмем Смоленск, – ответил Бертье, – не раньше, мадам. Идемте, Арман. Извините нас, маркиза.

Анжелика рассеянно старалась поймать взгляд Армана. Но генерал де Коленкур, застегнув мундир и оправив перевязь, надел треуголку с белым плюмажем и, холодно кивнув, вышел вслед за Бертье.

– Я удаляюсь на свои «аванпосты», – грустно добавила Анжелика и вздохнула.

Пожар в Смоленске затухал. Тишина, царившая в расположении Великой армии, нарушилась: слышались приказы, сновали ординарцы и адъютанты, потянуло запахом пищи с полевых кухонь. До рассвета оставалось всего несколько часов.

* * *

Императору Наполеону всегда лучше работалось по ночам. Граф Арман де Коленкур называл это присутствием духа после полуночи и даже говорил не раз императору. Однако за многие годы службы сам он не мог похвастаться тем, что приучился к подобному распорядку – дух у графа Армана после полуночи отсутствовал всегда и появлялся только утром. Коленкура клонило в сон, но зевать в присутствии императора он не мог себе позволить и потому сдерживался, отворачиваясь.

Кроме того, Арман старался, чтобы мысли его не переходили к маркизе Анжелике. Арман уже представлял себе, с каким сарказмом воспримет появление Анжелики в расположении армии император. Он прекрасно помнил, как негодовал Бонапарт по поводу приезда Бигготини к Дюроку и его грозное внушение Бертье, когда тот начал сожалеть, что не может отправиться в Париж, очень скучая по Жозефине Висконти:

«Придворные шаркуны, а не генералы! – заметил тогда Бонапарт сердито. – Я продержу вас в строю до тех пор, пока вам не стукнет по восемьдесят лет. Вы рождены на бивуаке, на нем и умрете! Имейте это в виду, господа». Теперь уж император обязательно выскажет, что не только к Дюроку любовницы приезжают прямо на бивуак, но и к прочим – тоже.

Накинув серый сюртук на плечи, Наполеон прохаживался около своего рабочего стола и диктовал распоряжения Бертье. Вдруг прервавшись, он взглянул на Армана и быстро спросил:

– Что вы думаете о Барклае? Он завтра опять уйдет? – Наполеону не хотелось верить в отход русских армий от Смоленска, и он искал поддержку в Коленкуре.

Конечно, опытный дипломат, Арман мог покривить душой и поддакнуть, но он не стал.

– Я по-прежнему думаю, сир, что русские отступят, – ответил он, глядя императору в лицо.

Словно в подтверждение его слов со стороны Смоленска раздалось несколько мощных взрывов. Наполеон напрягся и замер.

– Похоже, сир, – осторожно предположил Бертье, – они взрывают пороховые склады перед... – герцог запнулся и стал нервно покусывать ногти. Он никак не мог решиться продолжить о том, что так раздражало Бонапарта.

– Что вы молчите, Бертье? – Наполеон на удивление отреагировал спокойно. – Раз уж начали, так говорите до конца: они взрывают склады, перед тем как покинуть Смоленск. – Вздохнул: – Я так и знал! – И он продолжил диктовать депеши.

* * *

Когда император наконец отпустил его, Арман де Коленкур, ненадолго простившись с Бертье, пожелавшим соснуть часок, направился к палатке, куда начальник штаба, по его словам, поместил Анжелику.

Внутри палатки было тихо. Приподняв полог, Арман заглянул в палатку.

Анжелика лежала поверх пунцового покрывала, расшитого серебряными звездами, освещенная двумя свечами, горящими за отсутствием подсвечника на простой деревянной подставке. Устав с дороги, маркиза заснула. Сон молодой женщины казался спокойным и безмятежным. Дорожная шляпа и плащ, небрежно брошенные, лежали рядом. Расстегнутый ворот бархатного сюрко открывал тончайшее кружево сорочки, сквозь которое просвечивала гладкая, чуть смуглая кожа маркизы и темнели соски груди. Голову Анжелика склонила набок, и ее пышные золотистые волосы раскинулись по покрывалу волной. Сомкнутые ресницы едва заметно вздрагивали.

Охваченный волнением, Арман приблизился к ней, стараясь ступать как можно тише. Но маркиза все равно почувствовала его. Едва он подошел и присел на край ее постели, она открыла глаза и, протянув руки, с нежностью обвила его шею.

– Я не отдам тебя ей, не отдам, – прошептала Анжелика, привлекая графа к себе. – Я отниму тебя и верну назад наше счастье! Я останусь здесь, с тобой, и что бы ни случилось – мы будем вместе. Среди крови и смертей мы найдем утешение в любви, а если судьба окажется немилосердна – мы погибнем вместе, Арман. Я так люблю тебя... Я все готова разделить с тобой. Я ничего не боюсь. Ты слышишь?

Арман сжал маркизу в объятиях – золотые украшения на его генеральском мундире царапали ее нежную кожу. Она близко видела его улыбку и ощущала горячее желание, разгоравшееся в нем. Им обоим показалось, что время обернулось вспять. Вернувшееся чувство, более острое и пьянящее после долгой разлуки, уносило обоих на огненных крыльях, словно не было рядом с ними страдающего, дымящегося пожарами города. Забыв о войне, они отдались любви, сплетая тела и желая утопить давнюю ссору в долгих поцелуях и безудержных ласках. Их фразы начинались и обрывались на полуслове, уступая место молчанию, тогда как губы продолжали отвечать друг другу. Счастливая, маркиза смеялась под его поцелуями.

Осторожно взяв в руки ее прекрасное лицо, он увидел, как оно светится изнутри от нежности и восхищения им.

– Прости меня, прости! – прошептал Арман, прижав к своей груди прекрасную головку маркизы...

Под самое утро Анжелика задремала, прислонившись к широкому плечу Армана, и улыбка не сходила с ее губ.

От императорских палаток послышался голос Бонапарта: он шутил с гренадерами караула, говоря, что они хорошо прокопятся в смоленском дыму. Потом приказал подать коня. Понимая, что император в любую минуту может хватиться его, Арман осторожно высвободился из объятий Анжелики и, заботливо укрыв возлюбленную покрывалом, начал одеваться.

Анжелика открыла глаза. Она сладко потянулась, но увидев, что любимый стоит перед ней в мундире, держа в руках шляпу с плюмажем, встревожилась:

– Что случилось? Уже все?

Коленкур кивнул и, наклонившись, поцеловал ее волосы:

– Пора, дорогая. На войне отдых недолог.

Анжелика смутилась – краска проступила на ее щеках. Она и вправду забыла, что находится не дома, в Провансе, а в действующей армии, где в любой момент может вспыхнуть сражение.

– Я скоро буду готова, – уверила она, притягивая к себе одежду.

Глава 3. Похищение

Оставив возлюбленную, Коленкур вышел из палатки. Его взору предстало впечатляющее и трагическое действо: по всему тракту, ведущему от Смоленска на восток, протянулись русские корпуса, покидающие город. За ними, сколько мог охватить взор, кто в перегруженных экипажах, кто в крестьянских телегах, а кто и просто пешком нескончаемой вереницей тащились жители Смоленска – от мала до велика. Со всех храмов города их провожали колоколами. Сквозь печальный перезвон до французов долетали плач и прощальные крики – никто не желал оставаться в городе на милость победителя.

– Почему они уходят? – не сдержавшись, воскликнул маршал Бертье. – Нигде в Европе жители не покидали город, они приветствовали нас... И почему не видно градоначальника, почему никто не несет ключи от города?

– Я думаю, мы не дождемся ключей, – помрачнев, заметил ему Коленкур вполголоса. – Они не сдаются – они уходят, чтобы сражаться дальше. Я давно думаю о том, что это война для нас станет не похожей на все остальные...

– Как бы она не стала последней, – поддержал Армана подъехавший в ставку Мюрат, – мои кавалеристы только что вернулись из города – Смоленск пуст: дымящиеся развалины, трупы, трупы... Живых нет.

Мюрат говорил громко, и император, стоявший невдалеке, услышал его – он бросил на Иоахима сердитый взгляд: вот уж не ожидал от давнего соратника такого упадка духа. Молча выпив чашку кофе, поднесенную Рустаном, Бонапарт сел в седло и, обернувшись к Мюрату, напомнил:

– «Труп врага хорошо пахнет». Вы не забыли мудрое изречение римлян, маршал? Или мне придется еще не раз напоминать вам его?

Мюрат промолчал – только склонил голову в знак согласия.

Кольнув белого арабского скакуна шпорами, Наполеон направился вниз по холму – к поверженному Смоленску. Сразу вслед за тем вся французская армия, раскинутая на холмах и в долинах у Днепра, пришла в движение. Замелькали распущенные трехцветные знамена, порванные ядрами, послышались бодрая музыка и барабанный бой. Построившись как на парад, армия Наполеона вступила в Смоленск.

Привлеченная праздничным шумом, Анжелика выглянула из своего обиталища. Вид черных обгоревших развалин города немного притушил в ней радостную приподнятость от счастливого свидания с любимым. На какое-то мгновение она подумала о тех, кто жил в разрушенных домах – наверное, они тоже любили и очень надеялись, что война минует их стороной. А вот теперь уходили вслед за своей армией, не зная, вернутся ли когда-нибудь назад к своим оскверненным очагам.

Внизу под холмом серел широкой полосой Днепр. Французские солдаты наводили через него переправу. Понаблюдав некоторое время за ними, Анжелика вернулась в палатку, взяла дорожный плащ и, сев на свою пятнистую кобылу по кличке Звезда, направилась к реке – она решила поискать укромный уголок, где можно было бы искупаться.

Уже спустившись с холма, маркиза поняла, что ее желание осуществить не легко. Весь Днепр с французского берега был запружен войсками.

Внезапно с одного из островков посреди реки грохнула пушка – стреляли русские. Послышались пронизывающий свист, удар... В пяти шагах от Анжелики ядро взрыло сухую землю и куда-то скрылось. Маркиза застыла, ощущая, как ледяной холод охватывает ее.

Немного придя в себя, она увидела, что невдалеке, где стоял какой-то польский батальон, засуетились солдаты – выносили убитых. Послышались стоны раненых...

Маркиза поняла, что надо где-то укрыться. Не дожидаясь решения хозяйки, лошадь Анжелики фыркнула, взвилась... И тут снова послышались крики. Кто-то из французов прокричал маркизе: «Берегись!» Звезда вздыбилась, встав на задние ноги, заржала – Анжелика едва удерживалась в седле. Наклонившись в бок, чтобы восстановить равновесие, она увидела, что привело лошадь в ужас – пушечное ядро дымилось и вертелось как волчок в нескольких шагах впереди. Перепуганная Звезда понеслась галопом вдоль Днепра, не разбирая дороги: по высокой траве, по кустам орешника, по камням...

Шляпа, украшенная перьями, соскочила с головы Анжелики – маркиза безуспешно пыталась остановить кобылу. Сзади слышались разрывы, стоны. А впереди... Впереди желтел песок и глиной глубокий овраг. Еще немного, и вместе с лошадью маркиза упадет в приближающуюся расселину. Анжелика попыталась свернуть в сторону, но кобыла не слушалась ее. Казалось, избежать падения невозможно, как вдруг сзади послышался конский топот – кто-то догонял Анжелику.

Маркиза обернулась. Лучи солнца брызнули ей в лицо, ослепляя. Все, что она разобрала, – синий мундир с золотым позументом, французский. Через несколько мгновений всадник уже скакал с Анжеликой стремя в стремя. Крепкой рукой он схватил Звезду под уздцы и тянул за собой. Они пронеслись по самому краю оврага.

Наконец кобыла встала. Соскользнув с седла, Анжелика села на траву, глядя на своего спасителя. Им оказался молодой адъютант императора граф Филипп де Сегюр. Прежде Анжелика нередко встречалась с ним – Филипп прославился при дворе своими стихами и очерками, посвященными походам Бонапарта.

– Не знаю, как благодарить вас, граф, – смущенная, Анжелика поднялась и поправила волосы. – Если бы не вы... – Ей самой страшно стало, как она представила себя летящей вниз головой в пропасть...

– Вы изрядно покалечились бы, мадам, а то и хуже... – понял ее переживания де Сегюр. Спрыгнув с коня, он наклонился и поцеловал руку маркизы: – Слава богу, все обошлось...

– Да, и только потому, что ангел-хранитель послал мне вас, – улыбнулась Анжелика, но тут же осведомилась: – А что русские? Еще стреляют?

– Стреляют. Они стараются помешать переправе...

– Их много?

– Вы можете взглянуть, мадам. – Граф де Сегюр достал из футляра подзорную трубу и предложил ее маркизе.

Действительно, русская пушка стреляла – отчаянно, безнадежно, ведь силы французов, сосредоточенные на берегу Днепра, намного превосходили скромные возможности одного артиллерийского расчета. Но главное потрясение ожидало маркизу впереди.

Как только дым рассеялся, она ясно увидела, что расчет орудия состоит... из босоногих крестьянских ребятишек в не по росту длинных рубахах, подпоясанных веревками. С чумазыми от пороховой гари лицами они старательно подтаскивали к орудию ядра, а стрелял из пушки старик, водрузивший на голову железную шапку с двуглавым орлом, какие носили русские солдаты, наверное, еще в прошлом веке.

– Что это, граф? – спросила Анжелика озадаченно у де Сегюра. – Там же дети.

– Да, – кивнул тот в подтверждение, взгляд его помрачнел. – И женщины, и старики, и дети... – Граф обернулся к дымящемуся Смоленску. – Дым – пока единственный свидетель наших бесславных побед, маркиза, – добавил он с усмешкой.

С колокольни одного из соборов в ответ русским заговорило французское орудие. Дуэль оказалась недолгой – через несколько выстрелов русская пушка замолчала.

Схватив трубу, Анжелика взглянула на островок. Все как один, русские «артиллеристы» лежали вокруг орудия мертвые. Железная шапка слетела с головы старика, он навалился на лафет, и его длинные седые волосы сделались сплошь багровыми от крови.

– Вам не нужно смотреть на это. – Граф де Сегюр отобрал у Анжелики трубу и добавил с горечью: – Война – жестокая штука, мадам. Вы зря приехали сюда.

Анжелика не ответила. Перед ее глазами все стояли растерзанные осколками тела русских детишек, и она чувствовала, что вот-вот заплачет. Молча она подошла к Звезде, теперь уже мирно щипавшей травку на поляне перед оврагом, и, обняв лошадь за шею, прислонилась к ней лицом.

– Возвращайтесь в ставку, мадам. – Граф де Сегюр старался говорить как можно мягче. – Я сейчас направляюсь к императору. Если желаете, мадам, я провожу вас.

– Нет, нет, спасибо, граф. – Анжелика попробовала улыбнуться в знак благодарности, но получилось неловко.

– Вам не стоит оставаться одной, – с тревогой предупредил де Сегюр. – На войне противник может появиться совершенно неожиданно...

– Не беспокойтесь, граф, я поеду сразу за вами, – успокоила его маркиза. – Вы почти не заметите моего отсутствия... Еще раз благодарю вас.

– Как знаете, мадам. – Де Сегюр недовольно покачал головой и, вставив ногу в стремя, сел в седло. – Я везу депешу императору и потому должен спешить. Я скажу Арману, что оставил вас здесь...

Проводив генерала взглядом, Анжелика взяла Звезду под уздцы и направилась с ней к реке. Ручей, протекавший по дну оврага, который едва не стал последней точкой в путешествии неукротимой маркизы, впадал в Днепр, образуя небольшую лагуну, поросшую плавучими желтыми цветами. Вдоль берегов возвышался густой кустарник... Анжелике показалось, что она нашла то самое место, о котором мечтала с утра. Тем более что теперь купание помогло бы ей немного отвлечься от печальных мыслей.

Привязав Звезду к дереву, маркиза приблизилась к лагуне и попробовала воду Днепра рукой – та показалась ей теплой, приятной и даже немного шелковистой. Сбросив одежду, Анжелика вошла в прозрачную, искрящуюся под солнцем воду и с наслаждением отдалась ощущениям.

Холодноватые течения, струящиеся по дну лагуны, словно мелкими иголочками покалывали ее тело. Анжелика легла на спину и смотрела ввысь, в раскинувшийся над ней голубой простор неба, где совсем неуместным напоминанием о войне проплывали темно-серые барашки дыма. Здесь не слышалось ни множества мужских голосов, выкрикивающих команды, ни барабанного боя, ни вспыхивающих то и дело артиллерийских перестрелок. На какое-то время Анжелика забылась и успокоилась.

Когда же она вышла на берег и оделась, то с удивлением обнаружила, что Звезда, дожидавшаяся ее неподалеку... исчезла. Отвязалась? Встревоженная, Анжелика выбежала на поляну, на которой недавно говорила с графом де Сегюром. Звезды по-прежнему не было видно. На поляне пустынно – никого...

И вдруг маркиза услышала потрескивание кустов за своей спиной. Решив, что это ее заплутавшая лошадка, маркиза обернулась, но... что-то влажное и отвратительно пахнущее обмотало ей голову. Наступила темнота. Маркиза пыталась кричать... хотя вряд ли кто-либо мог услышать ее на расстоянии более двух шагов.

Над самым ухом Анжелики заговорили грубо, по-мужицки, на непонятном ей языке. По-русски?! Ужас охватил маркизу. Что случилось с ней и как теперь ей вернуться в Ставку императора?! Вспомнились недавние предупреждения де Сегюра – не зря тот настаивал, чтобы она не оставалась одна. Но как русские оказались на этом берегу? Это же...

Додумать маркиза не успела – ее подняли и усадили на лошадь. Дотронувшись до крупы, Анжелика ощупью узнала свою дорогую Звезду. Кто-то прикрикнул на кобылу – и та двинулась. Анжелику все время придерживали, чтобы не упала, но воняющую конской мочой тряпку с головы не снимали. Лошади шли быстрым шагом, а вскоре вокруг захлопала вода...

* * *

Въехав в Смоленск через днепровские ворота, Наполеон Бонапарт вошел в церковь, выстроенную над ними, и глянул оттуда на русский берег.

Коленкур молча стоял на почтительном расстоянии от императора, ожидая приказов. Удручение, испытанное графом при виде сожженного, пустынного города и множества трупов русских и французов, лежащих вокруг попеременно и уже разлагающихся на солнце, не оставило Армана.

Одинокая русская пушка стреляла по французам, наводившим на Днепре переправу. Поморщившись, император повернулся и приказал Коленкуру немедленно позвать артиллеристов: пусть втащат в церковь два орудия! Приказ исполнили, и Арман лично навел их. Вскоре русская пушка замолчала.

Указав расположить штаб в доме смоленского губернатора, император сразу направился туда. В березовой аллее, окружавшей резиденцию, уже расставила палатки старая гвардия – она встретила Бонапарта приветственными криками и пением «Марсельезы».

В комнатах губернатора слышался повелительный голос Рустана, готовящего для императора постель и рабочие апартаменты. Едва тихий императорский секретарь поставил на большом письменном столе походный чернильный прибор, Наполеон, как всегда не дожидаясь, пока все приведут в порядок, сел за письма. Первой – так уж повелось с давней итальянской кампании, – он написал Жозефине. Потом – несколько писем своим министрам. Призвав Коленкура, император приказал ему сочинить что-нибудь для Марии-Луизы и ее батюшки в Вену, а сам, скинув сюртук, отправился спать.

Озадаченный поручением императора, Арман вышел в приемную, где все еще хозяйничал неутомимый Рустан.

Здесь Коленкура и нашел Дюрок. Вбежав в приемную, он знаком попросил Армана подойти ближе. Запыленное лицо Жерара выражало тревогу. Когда Арман приблизился, Дюрок сразу же сообщил:

– Маркиза де Траиль исчезла. – И встретив изумленный взгляд Коленкура, пояснил: – Она отправилась к реке, одна, и не вернулась в лагерь. Мы искали – Анжелики нигде нет. Похоже, ее похитили. Или убили. Казаки.

– Казаки?! – воскликнул Арман. – Откуда?!

– Командир польских улан, расположившихся неподалеку, сообщил мне, что их, пожалуй, с сотню переправилось через Днепр. Пронеслись ураганом и, наведя панику, уплыли к своим.

Рассеянно вертя в руках письма, только что врученные ему Наполеоном для отправки, Коленкур бессильно опустился в кресло, оставленное Рустаном посреди приемной. Арману не хотелось верить словам Дюрока. Но к вечеру того же дня ему ничего больше не оставалось – маркиза Анжелика так и не появилась в ставке императора. Как выяснилось, граф де Сегюр последним видел ее у того самого оврага, где немногим позже как раз и высадились русские казаки.

Глава 4. «Народной веры глас»

Стояла страшная жара, редко перебиваемая грозами и ливнями. Двигаясь днем и ночью, русская армия, стараясь сбить со следа неприятеля, пробивалась лесными тропками и топями. Тучи комаров и москитов изнуляли людей. Неприятельская кавалерия следовала за русскими по пятам – стычки казаков и гусар с французами происходили ежедневно.

Желая показать пример приунывшим солдатам, князь Петр Иванович Багратион, в парадном мундире, при орденах, встал рядом со знаменосцем Московского полка и продолжал идти в пешем строю. Вся свита князя последовала за ним. Поддерживая тех, кто уже утратил надежду, князь громко говорил:

– Братцы! Чудо-богатыри мои, тридцать лет я с вами, а вы со мной. Вспомним суворовские марши! Потяжелей нам приходилось, а видел ли кто русского солдата унылым?

И войска отзывались на слова любимого командира с теплотой, ускоряя шаг:

– Не было таких и не будет, ваше сиятельство! Выдюжим, Петр Иванович, ты не сумлевайся! – И тут же спрашивали тихомолком: – А когда ж долбанем француза, а? Петр Иванович? Сколько ж будет водить лесами нас немец-то?

Под «немцем» армия подразумевала военного министра России Барклая де Толли, которому не доверяла. Багратион и сам недолюбливал всегда невозмутимого и немного грустного лифляндца, не одобрял его тактики заманивания противника, хотя и соглашался, что иного выхода у военного министра не было. Смирив гордыню, тот первым поехал к Барклаю в Смоленске, когда две русские армии соединились, хоть и имел звание выше. Барклай оценил этот жест, хотя взаимопонимания он не прибавил: Багратион требовал наступления, а Барклай опять тянул назад. Скрепя сердце Петр Иванович подчинился – угроза оказаться в неприятельском мешке стала ему очевидна после совершенных Бонапартом маневров. Смоленск отдали после ожесточенной битвы, и снова потянулись долгие версты отступления.

Наконец, дойдя до местечка Царево Займище, князь Петр Иванович приказал армии остановиться – как и все прочие он осознавал очевидную необходимость предоставить солдатам краткий отдых. В тесной крестьянской горнице, топившейся по-черному, Багратион, сжав губы, склонился над картой. Он глубоко задумался – положение представлялось ему опасным.

Прозвенеv шпорами на крыльце, в штаб Второй армии вошел генерал Милорадович – давний соратник и друг князя. В руке он держал только что полученное письмо от княгини Орловой:

– Посыльный от Аннушки прискакал, из Петербурга, – сообщил с ходу, – пишет, совет собирает император, чтоб о командующем деле порешить. Надоела уж всем неразбериха. Тебе, Петр Иванович, сестрица императорская Екатерина Павловна поклон шлет. Хлопочет о транспорте санитарном. Вот уже пожертвования собрали – прибудут скоро.

На скамейке у остывшей печки, укpывшись попоной, прикорнул младший сын генерала Раевского Николенька, утомился. Но услышав голос Милорадовича, мальчик вскочил, радостный, – знал Михаила Андреевича с детства, помнил, как учил тот его деревянной сабелькой лопухи на огороде рубить.

– Я в сражении, в сражении был! – сообщил радостно, протирая глаза кулачком. От сна он разругмянился, посвежел.

Милорадович присел перед ним на корточки, погладил кудрявую голову:

– Слышал, слышал о подвигах твоих. Зачем же батюшка водил тебя в дело-то?

– Чтобы за Россию умереть вместе, ваше сиятельство, – просто ответил мальчик. Милорадович молча прижал голову Николеньки к своей груди.

– Нам необходимы самые подробные сведения о передвижениях французов, – проговорил Багратион, все так же глядя на карту. – Я поручал Платову постараться захватить «язы-

ков». Но французские уланы отрезали наш арьергард, и теперь Платов пробивается с боем. Надо послать кого-то к нему... – Подойдя к сениям, где расположился его штаб, командующий приказал начальнику штаба, обрусевшему французу Сен-При: – Позовите ко мне кого-нибудь из адъютантов!

Через несколько мгновений перед командующим предстал молодой гусарский офицер в коричневом мундире ахтырцев. В руках его поблескивал золочеными шнурами кивер.

– Ротмистр Анненков, ваше сиятельство, – бодро доложил он.

Багратион с улыбкой кивнул своему любимцу.

– Поедете к Платову, Алексей Александрович, – проговорил он. – Возьмите людей из своего полка – по дороге можете наткнуться на французов. Все сведения, которые удалось собрать казакам о передвижениях наполеоновских войск, сегодня же, до конца дня – ко мне.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – ответил ротмистр с готовностью.

– И еще, – добавил Багратион, помедлив. – Знаю, что Матвей Иванович держится из последних сил. Но казацкая удаль всем известна, у него каждый станичник французского эскадрона стоит. Попросите от меня атамана еще денька на два супостата задержать, чтоб солдаты отоспались...

– Все передам, Петр Иванович...

– Ну, с богом, Алешенька. Поезжайте!

Как и предупреждал князь Багратион, едва выехав из Царева Займища, Алексей Анненков и отправившиеся с ним к Платову гусары наткнулись на французов – скорее всего, разведчиков, прочесывавших лес. Однако углубляться далеко эти уланы явно побоялись: пошарили по опушкам и, спешившись, стали поить в реке коней.

Сначала, посоветовавшись, гусары решили проскочить без боя – может, уланы и не заметят их, ведь распоряжение князя Багратиона надо было выполнять спешно. Но не тут-то было! Французы увидели неприятеля и, повскакав на коней, ринулись в схватку. Ничего не оставалось, как принять бой.

Алексей Анненков врубился в самую гущу противника. Сабля в его крепкой руке, со свистом рассекая воздух, поражала врага без промаха. Он видел полные смертельного страха глаза противника перед собой, слышал стоны тех, кого поразило его оружие... Не устояв под натиском ахтырцев, уланы попятились, но на помощь им уже спешило подкрепление.

Перевес сил оказался на стороне французов. В какой-то момент Алексей подумал, что уже не доберется сегодня до Платова. Однако казаки сами явились на помощь, не заставив себя долго ждать. Две отборные казачьи сотни, вылетев с гиканьем из леса, буквально смели противника, третья – преградила французам отступление.

Подскакав к казачьему полковнику, Анненков прокричал:

– От князя Петра Ивановича, к атаману. Проводишь?

Тот кивнул головой.

Казаки в рассыпном строю гарцевали перед уланами, зажав тех в клещи. Алексея подмывало остаться и снова ввязаться в бой. Но нельзя – он помнил приказ Багратиона. И потому, взглянув еще разок, как казаки то грозно сдвигаясь тучей, то рассыпаясь вновь, загоняют улан в болото, Анненков поспешил за полковником, позволив своим гусарам разделить с казаками лавры победы.

* * *

«Дела русского воинства день ото дня все хуже. Войска недовольны до такой степени, что ропщут даже солдаты, они не имеют никакого доверия к своему предводителю. Что до меня, то вам как никому известно мое стремление избавить Россию от нашествия супостатов. Начав службу Отечеству при вашей матушке, я тридцать лет жизни отдал служению ему. Но сейчас

прошу вас, дорогая Лиз, довести Его Величеству мое желание отправить меня командовать хоть в Молдавию, хоть на Кавказ, хоть полком, хоть арестантской ротой. Терпеть позор больше не могу...»

Письмо князя Багратиона, переданное ему княгиней Потемкиной, не удивило императора Александра. Он знал, что постоянное отступление русской армии чрезвычайно удручало всех. Теперь уже всякий винил в неудаче армии ее командующего – военного министра Барклая де Толли. Не только за глаза, но и в лицо его называли «генерал Отступление», изменив прозвание, данное когда-то турками Александру Суворову – Генерал Вперед. Имя Барклая стало ненавистно всем, ему не верили ни народ, ни армия, ни император. Повсюду слышались призывы немедленно сместить его. Взоры устремлялись к императору, кого же выберет Александр, услышит ли он «глас народа»?

«Глас» Александр слышал и очевидность замены главнокомандующего понимал. Но хорошо помня о своей ошибке в битве под Аустерлицом, назначил специальный совет из шести человек, в который вошли бывший воспитатель Александра Павловича, председатель Государственного Совета граф Салтыков, петербургский главнокомандующий Вязмитинов, генерал Аракчеев, начальник полиции Балашов и два тайных советника, Лопухин и Кочубей. Им всем предстояло решить судьбу армии и судьбу России. Император же только подтвердит их выбор.

Но какой выбор? Багратион любим в войсках, однако излишне горяч и нетерпелив. Беннигсен – опять иностранец. Милорадович – не имеет опыта командования армиями, не тот охват. Кто же? Кто может оказаться равным «екатерининским орлам» предыдущего столетия? Кому доверила бы Россия свою судьбу?

В большом кабинете графа Салтыкова, выходящем окнами на Неву, теплым и тихим июльским вечером генерал Балашов назвал фамилию избранника, о котором уже твердили повсюду: «Кутузов». Генерал от инфантерии Кутузов сможет спасти Россию.

– Кутузов стар, он болен, – пытался возражать Аракчеев.

– Да нет, годов ему не так и много, – задумался Салтыков. – Пожалуй, что шестьдесят шесть...

– Для главнокомандующего шестьдесят шесть – это пустяки, – поддержал его Кочубей и улыбнулся: – Если кто и останется недоволен нашим выбором, так это Наполеон Бонапарт. Не может он простить Кутузову так ловко заключенного мира с турками под самым носом его дипломатов.

– Ну, значит, на том и порешим, господа? – обратился ко всем председательствующий Салтыков. – Избираем главнокомандующим всеми нашими армиями Михайлу Кутузова?

Никто не воспротивился, даже сомневающийся Аракчеев. Всем было известно, что еще до совета за Кутузова высказывалась княгиня Елизавета Потемкина: когда-то Михаил Илларионович служил под началом ее отца, князя Потемкина, – еще при штурме Очакова на заре своей карьеры. И потому спорить не стали.

В тот же вечер император Александр утвердил выбор совета. Назначение Кутузова в армии было воспринято с воодушевлением. Около дома нового командующего на набережной Невы собралась целая толпа – все бросали в окна букеты цветов, пели молитвы и здравницы.

* * *

Исполнив поручение князя Багратиона и забрав сведения, полученные казацкой разведкой, ротмистр Алексей Анненков вышел из штаба арьергарда и, вскочив в седло, уже собирался было возвратиться в Царево Займище, когда невдалеке услышал два голоса: мужской, грубый и резкий, сыпал отборными ругательствами, женщина звала на помощь по-французски.

Спрыгнув с седла, Алексей бросился на крик. Завернув за угол штабной избы, откуда слышались голоса, он увидел даму, одетую в черное. Она прижалась спиной к бревенчатой

стене дома. Длинные светлые волосы, в беспорядке разбросанные, скрывали ее лицо. Она, как могла, отбивалась от подвыпившего казачьего сотника, который явно желал познакомиться с ней поближе.

Раздумывать было некогда. Ударом сбоку, Алексей помог незнакомке избавиться от назойливого кавалера. Сотник отлетел шагов на десять и грохнулся в пыль. Разразившись еще более отвратительными ругательствами, он попытался подняться, чтобы расквитаться с обидчиком, но не удержал равновесия и опять упал.

Вызвав караул, Алексей приказал отвести разгулявшегося вояку к командующему арьергардом атаману Платову – пусть разбирается со своим подчиненным. А сам обратился к женщине, которая все еще стояла, прижимаясь к стене:

– Он не поранил вас, мадам?

Женщина повела головой, отбрасывая волосы – лицо у нее было бледное, но глаза на нем, горячие, черно-карие, как спелые вишни, горели гневом.

– Я не понимаю, месье, – ответила она по-французски.

Немного удивленный, Алексей повторил свой вопрос по-французски и добавил:

– Кто вы? Французенка?

– Я – пленная, – прозвучал неожиданный ответ.

– Вы были во французской армии? – спросил Алексей озадаченно. – Как же вы оказались здесь?

– Очень просто, – вздохнула незнакомка. – Меня похитили. Разве командующий арьергардом еще не похвастался всем, какую важную птицу изловили его казаки? – съязвила она, но в голосе проскользнула горечь. – Наверное, они подумали, что я помню назубок все отметки на походной карте императора... Я вас не видела здесь, месье, – добавила она спокойнее. – Вы, верно, из другого... отряда? Извините, я не знаю, как называются у русских армейские подразделения, – смутилась незнакомка. – У нас – корпуса и дивизии.

– У нас так же, – подтвердил Алексей. – Я приехал из штаба армии. Но о вас действительно ничего не докладывали князю Багратиону.

– Еще бы! Я же добыча. Кто хочет делиться? – Женщина снова поникла головой.

– Я заберу вас отсюда, – на удивление быстро даже для самого себя решил Анненков. – Хотя вы и не хотите назвать своего имени мне, я надеюсь, вы назовете его князю Багратиону. Уверен, при штабе армии к вам будут относиться совершенно иначе. Вы согласны поехать со мной?

– Вы еще спрашиваете?! – воскликнула незнакомка и впервые улыбнулась. – Здешные герои мне совсем не по душе.

– Хорошо, – кивнул Алексей. – Тогда ждите меня здесь. Я поговорю с командующим арьергардом, – оставив незнакомку, он взбежал по ступенькам на крыльцо и скрылся за дверью.

Атаман Матвей Иванович Платов сидел в крестьянской горнице за широким дубовым столом – вдоль стола горели в серебряных подсвечниках свечи. Поверх генеральского мундира Донского войска с серебряным шитьем он накинул алую казацкую епанчу с серебряными шариками пуговиц и петлицами из тянутого серебра. Поседевшие усы атамана висели вниз, тщательно расчесанные и пушистые. Кудрявые черные волосы с проседью торчали вихрами – сброшенная баранья шапка, часто заменявшая атаману форменную, с красным шлыком и золотыми шнурами, лежала рядом на скамье. Подняв волосатую руку с жуковиной – как прозвали казаки крупный золотой перстень атамана с гербом. Платов выколотил о скамью трубку, набил ее, раскурил неторопливо и только после взглянул на Алексея молодо, задорно:

– Деваху, говоришь, ихнюю прихватили мои братаны? – Он усмехнулся. – А я и не слышал. Все про фуры да про пушки говаривали, сколько эскадронов да сколько пеших, а про деваху – молчок. Ты-то не знаешь чего, Ириньца? – спросил у племянницы, накрывавшей на стол угощение для казачьих предводителей.

Молодая казачка, одетая в белого шелка рубаху с короткими по локоть рукавами и голубой шелковый сарафан на лямках, низанных бисером, бросила на ротмистра кокетливый взгляд, приподняла крутую черную бровь и, поправив украшавшую ее волосы рефить¹⁴ с жемчугом, тихонько засмеялась. Быстрые руки казачки расставляли на столе блюда с кусками жареного кабана и чебака¹⁵, кувшины с водкой и пивом.

– Чего молчишь-то? – прикрикнул на нее грозно Платов. – Слыхала? Опять Филька, дружок твой, отличился? Только что приводили его – лыка не вяжет? Кого своровал у французов?

– Так откуда ж мне знать, батюшка-атаман, – казачка испуганно всплеснула руками, – я ж по-ихнему не разумею. Молодую девицу в ясырь¹⁶ приволок Филька – добыча, стало быть. Я ей поесть отнесла вот, коврижки да пряничков...

– Мне почему не сказывала? – нахмурился Платов. – Ясырь взяли они – видали?! И – тихомолком. И в ус не дуют... А француз, гляди, ротмистр, не теряется. – Атаман хитро подмигнул Анненкову. – На войну и то с курочками своими прибыл. Так и императрица ихняя пожалует. Вот тогда я сам за ясырем таким пойду – вспомню молодость. Пушай Аполиен подергается... без Жозефины. Сразу мира запросит! – Атаман засмеялся, но тут же снова посуровел, метнул на племянницу гневный взор.

Казачка побледнела лицом, присела на скамейку, теребя платок шелковый с меховыми кисточками.

– Как хоть звать ее, узнали, какого роду-племени? – продолжал спрашивать атаман и тут же безнадежно махнул рукой. – Что ж делать-то? – обратился атаман к Алексею. – Послать братанов, чтоб обратно отвезли? Только с бабами еще возиться мне! – пристукнул ладонью он об стол с раздражением так, что подсвечники вспрыгнули. – Вона, Бонапартий прет – продыха нету. Вот дурья башка, Филька этот! Только протрезвеет – отвинчу вмиг!

– Матвей Иванович, позволь мне барышню ту с собой забрать, к князю Петру Ивановичу, – предложил Анненков. – Там при штабе поспокойнее, князь и решит, как быть с нею.

– Да забирай ее! – махнул рукой Платов. – Возитесь тама. А мне б со своими разобраться. Совсем от рук отбились. – И снова он гневно взглянул на племянницу. – С Филькой таскаешься, чести не бережешь. Я тя припеку, зубами забрякаешь, волчье дышло!

– То неправда все, батюшка, – всплакнула казачка, прижав платок к глазам. – Лясы точит он – и всего-то...

– Твое счастье...

– Гей, атаман! – Дверь в горницу распахнулась. Загромоздив собой проход, появился широченный, огромный полковник казачьего войска Кутейников. – Тама наши схватились с французом, – выпалил он. – Только шмотья летят!

– Вот проклятье! – Платов встал, сдернул епанчу с плеч. – Опять поесть не дадут побожески. – Он широко перекрестился на икону Богородицы в красном углу, спросил у Кутейникова строго: – Ты вентерь¹⁷ заготовил, как стоворено?

– Как велел, батько, все сделал, – подтвердил полковник. – Башкирцы там стоят, с калмыками конными. А две сотни уже сабли наострили – погонят на них француза, только прикажи.

– Добре, – покачал головой Платов. – Вели мне коня подать. Сам твоих поведу. Ужо мы покажем французу кузькину мать!

– Покажем, батька! – По-детски широко улыбнулся Кутейников и, громыхнув кадкой, которую Ириньца оставила при дверях, вышел из горницы.

¹⁴ Рефить – сетка.

¹⁵ Чебак – подвид плотвы на Урале и в Сибири.

¹⁶ Ясырь – тюркское название пленников по всей границе России с Азией. Здесь – место, где содержали таких пленных.

¹⁷ Вентерь (с *лит.*) – рыболовная снасть-ловушка.

– Ну, с богом, – обратился к Анненкову атаман, нахлобучивая на лоб баранью шапку. – Поезжай к князю, ротмистр. И кралю французскую забирай. Скажи там Петру Иванычу придержать француза – придержим мы, пушай не волнуется он. Только б подкрепил нас маленько, коли мочь имеется: артиллерии бы нам. А то ведь бросили частью пушки мы за Днепром, вот как за Барклаем-немцем поспеть торопились. Может, еще гусар пришлет. Скажи там, ладно?

– Скажу, Матвей Иванович.

Услышав, как брякнули затворы на пистолетах, приготовляемых атаманом к бою, Алексей отдал генералу честь и вышел из горницы.

– Милок, милочек, – устремилась вслед ему Иринька. – Ты куда ж с пустыми руками? Хоть подарочек от атамана князю Петру Ивановичу прихвати. Вот собрала я, что бог послал, гусака пряного да шамайки¹⁸, пирожков еще... – Девица настойчиво вкладывала Алексею в руку угощение, завязанное в платок.

Ротмистр засомневался, стоит ли брать? Но отказать – неловко, знал, что обижаются сильно казаки, когда пренебрегаешь угощением их. Тут он вспомнил о французской незнакомке. Наверняка проголодалась. Пряником да коврижкой сыт не будешь. И решил взять.

– Благодарствую, барышня, – приняв узелок, ротмистр поклонился, а казачка, подбоченясь, со смехом зазывным прошла кругом, махнула юбкой – только пыль крылечная под каблучком окованным взвилась, и скрылась за дверью.

Алексей улыбнулся ей вслед – эка, какова! Такая не только Фильке голову заморочит, кого хочешь окрутит. Придерживая саблю, висевшую у ноги, он спустился с крыльца и поспешил к деревянной пристройке, где на стоге старой соломы оставил француженку.

Молодая женщина сидела, обняв руками колени, и покусывала травинку – лицо ее, с тонкими, немного заострившимися от пережитых испытаний чертами, выражало грусть. Завидев Анненкова, она встрепенулась.

– Все решилось, мадам, вы поедете со мной! Вы можете ехать верхом?

– Да, месье, я готова. – Анжелика поправила волосы.

– Вот, подкрепитесь, атаман прислал от своего стола, – ротмистр присел рядом с ней и развернул узелок.

Анжелике действительно очень хотелось есть, но она не решалась проявить свой аппетит при малознакомом офицере. Потому скромно взяла ломтик гусятины, отломив от него... И чуть не поперхнулась. Казачья пища оказалась столь обильно сдобрена пряностями, что у маркизы с непривычки даже закружилась голова.

– Нет, нет, спасибо, – решительно отказалась она. – Давайте лучше поедем, месье.

За высоким дощатым забором раздался оглушительный свист и конский топот – целый казачий эскадрон, сопровождающий атамана Платова, пронесся по улице. Пыль поднялась клубами – Анжелика чихнула. Алексей Анненков подавил улыбку и предложил:

– Я схожу на конюшню и приведу коня для вас.

– Благодарю, месье, но я хотела бы ехать на своем, – попросила Анжелика, смахивая слезинки, выступившие у нее на глазах от казачьей удалости. – Здесь моя кобылка все равно никому не пригодится. Точнее, пригодится, конечно, – исправились она быстро. – Но мне не хотелось бы расставаться с ней. Ее зовут Звезда. Она светло-серая, в темных пятнах.

– Хорошо, – кивнул Анненков, – если вы настаиваете, мадам, я схожу за вашей кобылкой. А пока поешьте еще. Дорога предстоит неблизкая.

Молодой офицер ушел к конюшням. Анжелика же, немного оправившись от кашля, снова заглянула в казачий узелок. Надкусила пирожок – это угощение показалось ей намного приятнее. Пирожки были легкие, пышные, с капустой и зайчатинной внутри. Неспешно пере-

¹⁸ Шамая (с перс. «царская») – краснотелая рыба из рода сельдей, обитает в приустьевых участках южных морей, в Днепре – редко.

жеывая, маркиза думала о том, что лицо неожиданного русского спасителя, избавившего ее от неприятного сотника, почему-то показалось ей знакомым. Как будто они встречались прежде. Но где? Когда? В Париже – невероятно. В Петербурге, во время ее давнего приезда туда? Вполне может быть... Почему-то интуиция подсказывала ей, что молодой офицер служит в гвардии – он великолепно говорит по-французски, имеет прекрасные манеры, даже надушен, несмотря на войну. В таком случае, она точно встречалась с ним в Петербурге. Надо будет обязательно спросить, как только представится повод.

Вскоре Алексей Анненков появился, ведя за повод Звезду. Обрадовавшись, Анжелика быстро поднялась и, подбежав, обняла лошадку за шею:

– Дорогая моя, жива и целехонька! Теперь мы снова вместе.

Когда они тронулись в путь, маркиза обдумывала, как бы уместнее спросить у русского гусара про гвардию, но неожиданно он сам пришел ей на помощь.

– Мадам, – офицер старался придержать своего коня, привыкшего к быстрой скачке, чтобы он шел рядом с неторопливой, задумчивой Звездой маркизы, – простите за дерзость, но мне помнится, вы прежде бывали в России? Я ошибаюсь?

– Вероятно, нет, – откликнулась француженка.

– Бывали в Петербурге? – заинтересовался он. – Лет пять назад?

– Лет пять назад, – подтвердила маркиза немного загадочно и внимательно посмотрела на Анненкова. Про себя она обрадовалась, что русский офицер первым начал разговор – теперь уж она удовлетворит свое любопытство.

– Лет пять назад, – задумчиво повторил он, вспоминая, – я служил в гвардии. И на приеме у княгини Потемкиной в Таврическом дворце, мне кажется, мы встречались...

– Вы служили в гвардии и бывали у княгини Потемкиной? – голос Анжелики дрогнул, она приостановила Звезду. – Как ваше имя, месье?

– Простите, мадам, я не представился. Граф Алексей Анненков, – ответил ротмистр и слегка склонил голову.

– Вы верно угадали, месье граф, – призналась Анжелика, немного помолчав. – Я – маркиза Анжелика де Траиль. И я действительно приезжала в Петербург и посещала бал у княгини Потемкиной.

– Вы?! – воскликнул ротмистр в удивлении. – Как же вы оказались в армии, мадам? Столь хрупкое и нежное создание! Да еще угодили в плен!

– Обстоятельства весьма личные, граф, – сдержанно отвечала ему Анжелика. – Я не хотела бы объяснять. Но по сути, по той же самой причине, по какой посещала Петербург.

– Вы приехали к жениху? – ротмистр даже присвистнул от неожиданности. – За столько верст от Парижа. Это невероятно!

– К бывшему жениху, – поправила его Анжелика грустно. – Теперь граф де Коленкур – жених моей бывшей лучшей подруги...

Ротмистр осекся:

– Я понимаю, простите меня.

Они замолчали. Анжелика настойчиво рылась в памяти, пытаясь вспомнить молодого офицера в Петербурге. Нет, встреча с ним у княгини Потемкиной ей не запомнилась – все помыслы Анжелики были заняты тогда только Арманом. А вот в театре...

– Скажите, – спросила она, нарушив молчание, – вы бывали на премьере Гольдони?

– Да, конечно, – улыбнулся Анненков, – кто же не был тогда в театре? Столько шума...

– Я припоминаю... – теперь Анжелике вспомнилось отчетливо.

В тот дождливый вечер в Петербурге спектакль в императорском театре начался как обычно в пятом часу. Анжелика, немного удрученная холодностью Армана, сидела рядом с ним в ложе послов. Она оделась в нежно-голубое с лиловым платье и старалась не выдать своего плохого настроения – выглядела веселой, пожалуй, даже слишком.

Уже играли первый акт, и зрители восхищались мастерством актеров и дивной итальянской музыкой, когда в своей ложе – как раз напротив посольской – появилась княгиня Потемкина. Ее сопровождали несколько офицеров гвардии.

В антракте Анжелика невольно обратила внимание на одного из них – высокого роста, с выразительными темно-синими глазами, с волнистыми каштановыми волосами и красивыми, правильными чертами лица. Молодой офицер был одет в алый мундир лейб-гвардейского гусарского полка, а на левом плече у него, поверх сверкающего золотом доломана красовалась шкура белого барса с крупной золоченой пряжкой, украшенной изумрудами – император только что разрешил гвардейцам носить мех на мундире, и он считался предметом особого щегольства.

Красивый, холеный офицер приковывал к себе взоры дам – Анжелика сразу заметила это. Наверняка он имел успех в салонах, но вел себя учтиво и сдержанно, даже скромно. Дав волю фантазии, Анжелика тогда на время забыла об Армане и своей обиде на строптивого посла. Ей очень хотелось познакомиться с гусарским офицером. Но княгиня Потемкина, пригласившая Анжелику к себе в ложу, не успела представить молодого человека маркизе – начался второй акт пьесы.

Отъезжая от театра к французскому посольству, Анжелика видела, как карета княгини, завернув к Таврическому саду, остановилась. Офицер, ехавший за каретой верхом, соскочил с коня. Дверца кареты распахнулась, слуга опустил подножку, и офицер вскочил в карету, привязав к ней своего коня. Анжелика не могла знать с уверенностью, что тем офицером, удостоенным чести ехать с княгиней Потемкиной в одном экипаже, был именно Алексей Анненков, – она наблюдала всю сцену издалека и довольно короткое время. Но почему-то ей подумалось тогда, что это вполне мог быть он. Кто же еще?

Да, похоже, теперь война совершенно неожиданно выполнила давнее пожелание маркизы, и знакомство, не состоявшееся пять лет назад, случилось теперь при столь странных обстоятельствах. Война свела их вновь, и тот красивый молодой офицер из свиты княгини Потемкиной теперь сопровождает ее, Анжелику, к командующему. Только мундир на офицере почему-то не роскошно-алый, а темно-коричневый и меньше украшенный вышивкой.

– Вы больше не служите в гвардии? – осторожно поинтересовалась у Алексея маркиза.

– Я попросился в обычный полк, – ответил он серьезно, – чтобы иметь возможность участвовать в боевых действиях. Но князь Петр Иванович держит меня при себе адъютантом, не отпускает на вольную волюшку.

– Почему? – спросила Анжелика недоуменно.

Алексей промолчал. Потом произнес:

– На выход из гвардии требуется разрешение самого императора или хотя бы военного министра, а ни тот ни другой без особой провинности офицера не позволят ему такого. Но князь Петр Иванович уговорил генерала Барклая до окончания войны зачислить меня в Ахтырский полк при условии, что я буду при нем адъютантом – такая «ссылка» показалась нашему военному министру почетней.

– Я думаю, немногие светские франты сейчас стремятся оказаться в гуще дела? – спросила Анжелика, не скрывая восхищения. – В Петербурге ведь спокойнее и сытнее...

– Гвардия прибудет со дня на день, – ответил Анненков. – Если главное сражение все же состоится, она обязательно примет участие в нем, и пехота, и кавалерия. То, что вы говорите, маркиза, – всего лишь парижские домыслы. Сейчас каждый офицер, будь он гвардеец или нет, готов выполнить свой долг Отечеству и не пожалеет жизни. Без исключения.

Уверенность, с которой молодой граф произнес эти слова, впечатлила Анжелику. Отправляясь на войну, она мало думала о русских. Точнее, не думала о них вовсе. Маркизу гнали в путь тоска и личная обида. Теперь же на фоне разворачивающегося перед ее глазами действия все личные переживания показались Анжелике мелкими и не стоящими упоминания.

– Как вы думаете, граф, – решила она спросить Алексея о том, что волновало ее больше всего, – меня отпустят назад? К армии я имею в виду...

– Не знаю, – Анненков пожал плечами. – Ведь вы – не обычный пленный. Вы – женщина. Я думаю, князь примет во внимание это обстоятельство, – добавил он с улыбкой. – Не волнуйтесь, мадам.

– Я очень надеюсь на благородство князя, – печально вздохнула маркиза, – там остался мой младший брат Пьер, – объяснила она. – Он настоял, чтобы его зачислили в кавалерию маршала Мюрата. Я обещала маман, что с ним ничего не случится.

Граф Анненков понимающе покачал головой.

* * *

Перед самым Царевым Займищем дорогу им преградили санитарные фуры. Ополченцы в серых одеждах, темных по спинам от пота, таскали сюда на носилках раненых с расположенного неподалеку перевязочного пункта. Здесь же сутился доктор в окровавленном фартуке, он размахивал большими, измазанными по локоть в крови руками и кричал:

– Э, мужичье, полегче, полегче трясите! В ногу идите – разболтаете ж, вот олухи!

Мужики остановились, приладив поплотнее носилки на плечах, потом снова пошли, попав, наконец, в ногу.

– Куды везти-то? – крикнул с фуры возничий. – А, ученый?

– Матушка Лизавета Григорьевна велели в госпиталь к ним, – ответил доктор, возвращаясь в перевязочную палатку.

– А где ж он? – снова крикнул возничий.

– Езжай к штабу, там, в березняке, увидишь...

– Скоро ли тронутся они? – спросила Анжелика у ротмистра. Она не понимала по-русски, но видела – раненых должны вот-вот увезти.

– Сейчас поедут, – ответил Алексей. – Мы – сразу же за ними...

– А куда их везут?

– В госпиталь ее высочества великой княгини Екатерины Павловны, – последовал ответ. – Как видите, маркиза, не только офицеры гвардии стремятся участвовать в войне, но и самые знатные дамы помогают армии.

– Я очень сожалею о своих словах, – призналась ему Анжелика честно. – Если возможно, забудьте о моем легкомыслии.

Наконец фуры двинулись. Ехали они медленно, чтобы легкораненые, бредущие вокруг них, вполне поспевали за их движением. Из повозок слышались хрип, стон, плач и ругань. Некоторые бредили. Воронье, почуяв кровь, злобно налетало на фуры, но санитары отгоняли птиц.

Вскоре показался госпиталь. Он состоял из десятка раскинувшихся на краю березняка палаток с подвернутыми полами, совсем недалеко от штаба Второй армии князя Багратиона. Направляясь в штаб, миновать его было никак нельзя. Вдалеке виднелись такие же длинные фуры, стоящие в лесочке, только уже пустые – с них разгрузили раненых, и лошади, отдыхая, жевали овес, делясь им с подпрыгивающими вокруг воробьями.

Подъехав ближе, Анжелика с ужасом увидела, что вокруг палаток почти нет свободного места. Всюду лежали, сидели, стояли окровавленные люди в разноцветных военных одеяниях. В какой-то момент маркиза даже зажмурила глаза – так поразило ее скорбное зрелище. Не задумываясь о том, сколько смертей и разрушений несет с собой война, она часто думала о ней, как почти о праздничном параде в Париже, где под бой барабанов выступают чистенькие, отутюженные полки старой гвардии Бонапарта. Конечно, Анжелика знала, что на войне уби-

вают и проливают кровь многие, – но она никогда не видела воочию прежде, как выглядят те, кто только что вышел из сражения.

Из палаток слышались то громкие злые вопли, то стенания и плач. В двух шагах от Анжелики стоял, опершись на сук, высокий унтер-офицер с перевязанной головой. Он был ранен в голову и в ногу пулями. Не обращая внимания на ранения, унтер увлеченно рассказывал что-то собравшимся вокруг него легко раненым и носильщикам и даже размахивал рукой, изображая кавалерийскую атаку. Заметив взгляд Анжелики, офицер подмигнул ей.

– Алексей Александрович, друг мой, здравствуйте! – ротмистра по-французски вдруг окликнул какой-то женский голос.

Анжелика повернулась. Им навстречу от одной из палаток шла стройная женщина в простом темном платье, наглухо закрытом по рукавам и воротнику. Через плечо на грудь у нее свешивалась толстая русая коса, перевязанная обычной коричневой лентой. Анжелика не сразу узнала в этой женщине блестящую русскую княгиню Анну Орлову, ту «владелицу половины России», которую также встречала прежде в Петербурге.

О богатстве Анны Орловой-Чесменской в Париже слагали легенды. Казалось, на каждом ее пеньюаре украшений и драгоценностей было больше, чем может позволить себе на выход сама французская императрица. Наряды Анны Алексеевны всегда отличались особой роскошью – они ослепляли. Но теперь Анжелика видела княгиню перед собой совсем иной – усталой, одетой просто. На белом переднике княгини, повязанном по талии поверх платья, маркиза заметила бурые, расплывшиеся пятна. Это была кровь. Анна Орлова самолично перевязывала раненых!

– Здравия желаю, ваша светлость! – Граф Анненков соскочил с седла и поцеловал руку княгини. – Давно ли прибыли?

– Всего несколько часов, – ответила та. – Три ночи ехали без единой остановки, торопились очень. Екатерина Павловна беспокоилась, что не успеем к Цареву Займищу, вдруг опять дадут приказ об отходе... Только прибыли, а солдатиков – вон уж сколько, – она обернулась к госпиталю. – Михайлу Андреевича не видали ли, Алексей? – сразу спросила она о Милорадовиче.

– Вчера видел при штабе, ваша светлость, – ответил Анненков. – Жив, здоров, не ранен, слава богу. Письмо от вас показывал...

– Доставили, значит? – Анна радостно улыбнулась. – Ну, хорошо, коли так, – и тут же взглянула на Анжелику. На ее бледном лице, лишенном румян, отразилось искреннее удивление. – Маркиза де Траиль, если не ошибаюсь? – узнала она. – Вы ли? Откуда?

– Маркизу захватили казаки, – пояснил граф Анненков. – Случайно. Теперь вот едем к князю Петру Ивановичу, чтоб решить, как маркизе вернуться назад...

– А из Парижа-то вы зачем сюда приехали, в Россию? – спросила у Анжелики Орлова, и в голосе ее прозвучала враждебность. – Посмотреть, как мы страдаем?

Словно иллюстрацией к словам княгини из палатки вынесли на носилках человека, покрытого до горла простыней, багровеющей от крови. Человек судорожно рыдал и захлебывался. Анжелику охватил озноб.

– Что вы?! Я вовсе не думала о том! – она хотела вскрикнуть, но едва выдавила из себя сказанное. Конечно, маркиза прекрасно осознала про себя, что ничего иного, кроме осуждения и враждебности, в лагере русской армии она не встретит.

– Анна, где ты? – из крайней палатки послышался голос княгини Лиз. Вскоре вышла и она сама – в таком же строгом платье. Единственным украшением его служил золотой крест с ликом Богородицы в финифти на перекрестье, висящий у Потемкиной на груди. Пышные волосы княгини скрывала крестьянская косынка.

С самой ранней юности своей Елизавета Григорьевна Потемкина считалась одной из самых красивых женщин России. Вельможи постарше, кто служил при императрице Екатерине

и хорошо помнил отца княгини Лиз, блистательного князя Тавриды, с уверенностью говорили о том, что лицом и статью великая княгиня пошла в него. Гармоничное сочетание линий, изящество форм отличали Елизавету Григорьевну и не изменили ей с годами. От матери, императрицы Екатерины Второй, состоявшей с князем Потемкиным в морганатическом браке, княгиня Лиз унаследовала свой властный, ироничный, а иногда и грозный нрав, а также недюжинный ум и умение расположить к себе окружающих. Особую славу Лиз снискали ее великолепные зеленоватые глаза, которые иные поэты сравнивали со сверкающими изумрудами, а иные – с задумчивой, холодной яшмой. С самой юности ее глазам никогда не было свойственно выражение наивной девичьей мечтательности, они сохраняли серьезность, взгляд их притягивал необыкновенной проницательностью и увлекал.

От Армана де Коленкура Анжелике было известно, что в молодости будущий император Александр Павлович был страстно влюблен в Лиз, и она отвечала ему взаимностью. Александр всерьез мечтал видеть Лиз своей законной супругой и императрицей России. И даже просил об этом Екатерину. Но политические соображения взяли верх, и венценосная бабушка оставила желание внука без внимания. Она настояла на женитьбе Александра на красивой, но нелюбимой им немецкой принцессе. Свою же дочь, родившуюся, когда Екатерине давно уже минуло сорок лет, императрица выдала замуж...

Анжелика не могла точно вспомнить фамилии покойного супруга княгини Потемкиной, которую так никто и не величал по его фамилии. Тот был значительно старше Лиз. По слухам, отцом ее сына являлся не он, а великий князь Александр Павлович, император России.

Бабушка рассчитывала, что со временем юношеская привязанность Александра к Лиз остынет и молодая законная жена займет достойное место в жизни ее внука. По той ли причине или просто по случайности – несчастливой, ужасной – при венчании по православному обряду будущую императрицу нарекли так же: Елизаветой. Хуже ничего и нельзя было придумать. Едва появившись при русском дворе, императрица Елизавета Алексеевна, писаная красавица и умница, оказалась самой несчастной и одинокой из всех русских императриц, царствовавших до нее. Говорили, что перед самой свадьбой с Александром, ей, тогда еще немецкой принцессе, явился во сне князь Потемкин и предупреждал ее...

Что во всей этой истории соответствовало правде, а что уже домыслили дворцовые сплетники, как часто случается, Анжелика не знала. Но так или иначе княгиня Лиз Потемкина уже много лет оставалась близким другом императора, и ее влияние на Александра Павловича не ослабевало – оно было огромным.

Выйдя из операционной палатки, княгиня сразу же оказалась в кругу солдат:

– Матушка, долго ль ждать нам еще, скажи, – спрашивали они наперебой. – Сколько ж костоправы еще мучить будут?

– Потерпите, потерпите, миленькие, – уговаривала их Потемкина. – Докторов мало, а вас вон сколько. Каши наварили, сейчас поесть принесут...

– Вот дожили до чего, матушка, – проговорил рядом с княгиней старый, седой как лунь солдат. – Сколько уж солдатскую лямку тяну, а не видал такого позору. При батюшке твоём пацаном желторотым на речку Рымник ходил с Ляксан Васильичем. Далеко было, – он потер рукой слезящиеся глаза, – а тут по своей земле топаем. До самой Москвы, почитай, дотопали-то...

– Ты, старик, очереди не жди, – решила Потемкина. – Куда ранило тебя?

– Да вот, в бок царапнуло, покажу сейчас. Перевязать – перевязали, а чо внутри – бес знает...

– Я доктора попрошу, он тебя вперед возьмет.

– Не надобно, матушка, – запротестовал солдат. – Куды мне вперед? Тут и потяжелей меня есть. А я крепок еще. Вот поправлюсь, вернусь в строй, может, и доживу – погоним мы хранцуза, а? Государь-то как думает?

– Государь, как ты, отец, думает. – Потемкина обняла старика за плечи, усадила на ящик. – Присядь. В ногах правды нет. Так же думает государь: погоним мы француза, отец, за милую душу погоним. Доживем. А если не доживем, помянут нас те, кто доживет-то...

– Да ты не трогай меня, не трогай ручками-то белыми, – засмутился старик, – грязный я...

– А я грязи солдатской не боюсь, – ответила Лиз просто. – Батюшка мой, князь Григорий Александрович, не боялся, ел и спал с солдатами на походе. А мне ж чего? Ну, погоди, погоди пока.

– Посмотри, Лиз, кого привез к нам граф Алексей Александрович, – заметила княгиня Орлова, когда Лиза, оставив солдат, подошла к ним. – Маркиза де Траиль, если помнишь?

– Как же не помнить – помню, – кивнула Потемкина, и бледные губы ее тронула легкая улыбка. – Где добыли столь прекрасный трофей? – повернулась она к Анненкову, и Анжелика заметила беглое, мимолетное движение зеленоватых глаз княгини, выразивших радость и теплоту. – Господа гусары уже дошли до Парижа? Пока мы здесь, как тот солдат сказал, к Москве топаем... Могу даже угадать героев дамского похода: наверняка вы, граф, ваш приятель Тройкин и наш поэт Денис Васильевич Давыдов... Он, кстати, тоже из гвардии вон вышел. Вы не знаете? К вам в ахтырцы записался. По рапорту. Хочет заняться партизанской войной.

– Увы, ваша светлость, – слегка склонил голову Анненков. – К сему геройству и добыче мы с Денисом отношения не имеем. Отличились казаки атамана Платова. Вот захватили мадам в полон. «На ясырь», как они выражаются.

– Хороша добыча! – язвительно заметила Потемкина. – Матвей Иванович себе не изменяет, – обратилась она к Орловой. – Под Вильно схватил бывшего куафера императрицы Жозефины, который нынче у Бонапарта писарем пристроился, – чтобы он нам всем прически делал. А теперь вот – маркизу. А вы отбили, Алексей, мадам у казаков и везете в гусарский полк? – предположила княгиня. – Анжелика, оставайтесь с нами, – пригласила она. – Там у них теперь веселья нет. Не то что в Петербурге бывало: только стычки да перестрелки...

– Маркиза хотела бы вернуться к своим, – сообщил Алексей.

– К своим? – переспросила Лиз с удивлением. – Что ж в этом трудного? Французов нынче кругом пруд пруди.

– Мы едем к князю Багратиону, чтоб он решил...

– Что ж, поезжайте, – пожала плечами Лиз. – Но если князь Петр Иванович вас, маркиза, по какой-то причине не отпустит, приезжайте к нам. Конечно, если вы не боитесь крови и не очень часто падаете в обморок.

– Благодарю, – ответила та с признательностью. – Я обязательно загляну перед отъездом...

Анжелика сказала и вдруг поймала себя на том, что говорит о возвращении в госпиталь так, как будто собирается заехать на светский раут. Она снова почувствовала неловкость и очень надеялась, что княгиня Потемкина не заметила ее бестактность.

– Заглядывайте, заглядывайте, *ma chère*, – ответила та, однако в голосе ее чудилось осуждение и скрытая насмешка.

* * *

Получив пакет с донесениями разведки, князь Багратион был очень удивлен, когда перед ним предстала золотоволосая француженка в черном дорожном костюме, изрядно запыленном после постигших ее приключений. Гораздо больше озабоченный передвижениями французских войск, князь лишь мельком взглянул на маркизу, и она не могла не заметить выражение крайней усталости в твердых и мужественных чертах русского командующего. Однако не проявить внимания к даме вовсе генерал не мог позволить себе даже на войне. Улыбнувшись

немного неловко, князь оторвал усталые, воспаленные глаза от карты и проговорил по-французски:

– Я не могу признаться, мадам, что мы очень рады вашему посещению. Но, принимая во внимание обстоятельства, о которых мне доложил мой адъютант, я полагаю, мы не будем настаивать, чтобы вы задержались у нас слишком долго. Ротмистр Анненков и подполковник Давыдов завтра поутру проводят вас безопасной дорогой, увы, предложить большего я не могу. Развлечений у нас нет, мадам, – война.

– О, нет, mon general! – воскликнула Анжелика. – Мне не хотелось бы, чтобы вы думали, будто я намеренно желала бы обременить вас своим присутствием. То, что вы приказали своим офицерам – это самое большее, о чем я только могу мечтать. Признаться, я испытываю неловкость, что отрываю их от более важных дел.

– Вы отправитесь завтра поутру, – тон Багратиона немного смягчился, в глубоких черных глазах мелькнул огонек. – Сегодня уже скоро стемнеет, а путешествия по лесу в темноте весьма опасны. Княгиня Потемкина с удовольствием примет вас, мадам, и даст приют и ночлег, так что вы ни в чем не будете нуждаться. Возможно, мы еще увидимся за ужином. А сейчас извините, – он взглянул через раскрытую дверь на нескольких генералов в приемной, – нам надо вернуться к нашим обязанностям. Желаю вам, маркиза, хорошо отдохнуть. Ротмистр Анненков занят, но, я полагаю, вы сами легко доберетесь до госпиталя великой княгини, это недалеко отсюда. Впредь путешествуйте осторожнее, мадам!

– Теперь я понимаю это гораздо лучше, чем в Париже, mon general, – искренне призналась Анжелика.

Еще раз поблагодарив русского командующего, она вышла из горницы, служившей Багратиону походным кабинетом, и туда сразу ринулись несколько писарей с приказами. Какой-то генерал, наверное, начальник штаба, быстро, по-французски, докладывал:

– Они атаковали Милорадовича с двух сторон. Мишель просит поддержки...

– Я сказал – не ввязываться! Не ввязываться, – раздраженно повысил голос Багратион. – Надо беречь людей. Они нам еще пригодятся! Немедленно отвезите Милорадовичу мой приказ: пусть организует отход в полном порядке!

Анжелика тихо покинула приемную, где оставалось только несколько штабистов, – тем более что про нее сразу забыли и никто не обращал внимания.

Вдали слышалась мощная артиллерийская канонада – серый пороховой дым густым облаком нависал над лесом и постепенно затягивал округу. Иногда вспыхивала ружейная трескотня – тогда казалось, что кто-то ломает деревья и щепки с визгом и воем взлетают в воздух.

Отвязав Звезду, Анжелика пешком отправилась к госпиталю великой княгини Екатерины Павловны, ведя лошадь в поводу. Там она привязала свою лошадку к березе и направилась к операционной палатке.

У палатки один из докторов курил сигару, время от времени поводя головой вправо и влево, разминая шею, – он вышел отдохнуть. Конопатый фельдшер, выскочив с ведром, зачерпнул воды из огромной бочки и что-то прокричал сидящим вокруг палатки раненым – наверное, устанавливал очередь. Рядом с палаткой на конской попоне спал мальчик лет одиннадцати – Анжелика сразу обратила внимание, что он очень похож на княгиню Лиз, и удивилась: «Неужели это сын принцессы? Зачем она привезла его?»

Когда Анжелика вошла в палатку, сразу увидела Лиз. Княгиня, работая тряпкой не хуже крестьянской девицы, привыкшей с детства к ручному труду, вытирала со стола, с которого только что сняли раненого. Разобрать в отдельности все, что происходило в палатке, было трудно, тем более с непривычки. Жалобные стоны доносились со всех сторон. Все сливалось в одно общее впечатление окровавленного, замотанного в покрасневшие бинты человеческого тела...

Анжелика в растерянности остановилась у входа. Но подняв голову и увидев ее, Лиза сразу позвала маркизу к себе.

– Помогите мне, если не боитесь, – предложила она. – Надо разложить перевязочный материал, – и усадив на низенькую скамейку, сунула Анжелике в руки большую корзину из ивовых прутьев, полную бинтов, совсем бурых и немного почище. – То, что использовать уже нельзя, выбросить, – распорядилась княгиня, – а то, что еще пригодится, отдайте Анне, она выстирает их.

Только сейчас Анжелика обратила внимание на Орлову. Та вполголоса разговаривала с сидящим на операционном столе солдатом, похожим на татарина, с широким, узкоглазым лицом. Рядом валялся его мундир – такие Анжелика видела на казаках, похитивших ее. Доктор в очках что-то резал на спине солдата, а тот сопел и, слушая разговор княгини, отхлебывал из железной кружки, которую Анна держала перед ним...

Когда Анжелика уже принялась за корзину, внутренне содрогаясь от запаха прогнившей крови, княгиня Лиз спросила у нее:

– Что вам сказал князь Петр? Отпустил? Вы заехали попрощаться с нами?

– Да, князь был столь любезен, что даже назначил мне сопровождающих, – ответила Анжелика, стараясь подавить тошноту. – Завтра утром я покину вас.

– И сразу же отправляйтесь домой! – посоветовала ей княгиня Лиз. – Здесь чем дальше, тем станет только горячее.

– Да, я уже думала об этом, – согласилась Анжелика.

Княгиня выжала тряпку в деревянной кадке – Анжелика вспомнила, сколько дивных перстней украшало эти прекрасные руки в Петербурге, а вот теперь... Если бы поступок Лиз был бы единичен, возможно, Анжелика бы и удивилась, но самоотверженность русских, всех, от мала до велика, независимо от званий, встречалась повсюду, и теперь маркиза понимала, что Лиз просто не могла поступать иначе. Первая и избранная в мирной жизни, она несла свой крест стойко и в лихую годину, подавая пример всем остальным и побуждая их к мужеству.

– Ух! Ух! – послышались вскрики подопечного княгини Анны. Он вдруг пронзительно завизжал, взвился, а потом осел.

Анна прижала его голову к груди и что-то нашептывала на ухо, поглаживая по плечу, как ребенка. Доктора быстро наложили повязку – казака сняли со стола и увели. Вытерев платком со лба выступившие бусинки пота, Анна присела на скамью, уронив голову на руки. Она смотрела перед собой – мысли княгини явно блуждали далеко.

Лиза подошла к ней и ласково дотронулась до плеча.

– Он приедет, – проговорила она негромко, – я уверена. Надо немного подождать.

– Где-то так сильно стреляют, – вздохнула Анна, прислушиваясь. – Мне кажется, Миша там. Я привезла с собой Чесменскую шпагу моего отца, – сообщила она, подняв на Потемкину повлажневшие синие глаза, – это самая дорогая память, которая мне осталась от батюшки. С ней Алексей Орлов разгромил турок при Чесме. Я всегда хранила ее как зеницу ока. Когда павловские гвардейцы поволокли меня в ссылку, унизив до смерти отца, все, что я успела схватить, – это его шпагу и икону... Шла с ними босиком по острым камням и прижимала к груди. А павловцы еще хлестали меня нагайками... Теперь вот хочу отдать эту шпагу Мише. Может быть, она принесет удачу нашему войску?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.